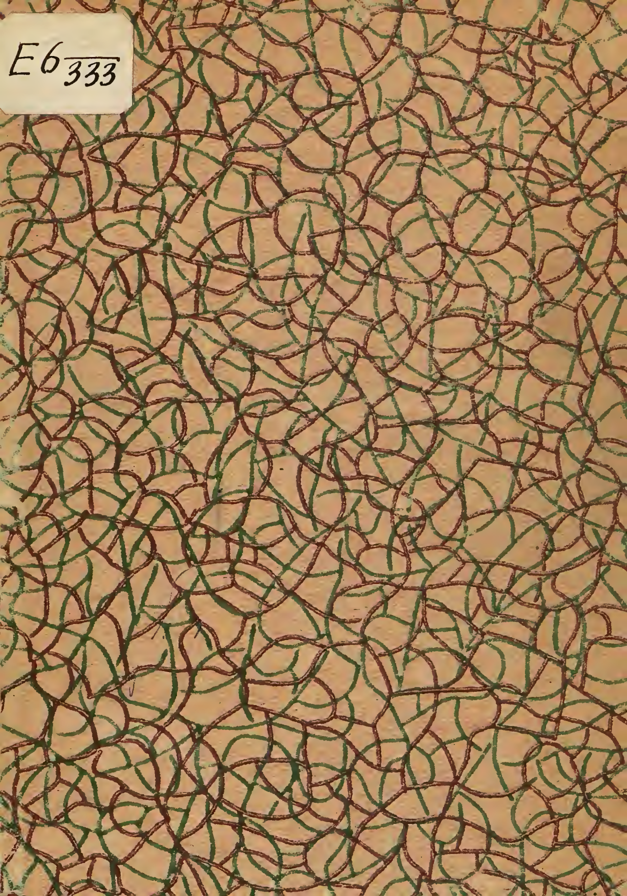

E6 333

В пользу раненых и больных воинов.

БОРЬБА ЗА ХАБАРОВСК

В ПОЛЬЗУ РАНЕНЫХ И БОЛЬНЫХ ВОИНОВ.

БОРЬБА ЗА ХАБАРОВСК

Сборник статей.

Г. ЧИТА,
Государсгвен. типография
1922 г.

От издательства

Настоящий сборник статей является первою попыткой обрисовать начальный период последней „Борьбы за Приморье“, которой предполагается посвятить цикл сборников под этим общим названием

Он составлен не профессионалами—журналистами, а людьми штыка и окопов, сотрудниками полевого штаба Главкома т. Блюхера, лишь на минуту отложившими оружие в сторону, чтобы напомнить спокойному тылу его обязанность помочь братьям—народоармейцам, пострадавшим в этой борьбе.

Некоторые из помещенных в Сборнике статей были разно временно непечатаны в Дальневосточной и Сибирской прессе («Амурская Правда», «Дальневосточный Путь», «Власть Труда», и др), но от этого они не могут потерять своего исторического интереса и для настоящего дня.

Пусть благая цель сборника оправдает наши слабые литературные средства.

ТВОЯ ОЧЕРЕДЬ ТЫЛ!

После того, как целым рядом сокрушительных по силе и беспримерных по доблести ударов под Волочаевкой, Спасским, Казакевичевым и в других местах народно-революционная армия опрокинула белоповстанческие банды, заставив их поспешно бежать из Хабаровска и отступать под защиту своих нанимателей-интервентов, является возможным более ярко и точно определить ту колоссальную боевую работу, которая выполнялась и выполняется нашими частями на фронте, и выяснить те тяжелые условия, при которых протекает их боевая деятельность.

В начале кампании белоповстанческие части неожиданным и быстрым наступлением потеснили наши малочисленные, слабо снабженные и совершенно не подготовленные к боевым действиям передовые отряды, расположенные по Уссурийской железной дороге и вынудили их сначала к отходу на Хабаровск, а затем и к оставлению последнего.

Первоначальный легкий успех вскружил голову противнику и он решил продвигаться далее по Амурской жел. дороге, но уже под Ином, в последних числах декабря, он получил от наших частей столь значительный удар, что перешел к обороне и начал с лихорадочной стремительностью закрепляться на линии Ольгохта Хабаровск, как на исходном положении для будущих наступательных операций, стягивая свои резервы и технические средства для всемерного обеспечения своего дальнейшего успеха.

По своему кадровому составу, сравнительно с нашей армией, все части белоповстанческих отрядов имели прекрасную специальную подготовку и опытное командование, они были поставлены в очень хорошие жилищные условия, будучи размещены до боев по домам, хорошо питались, были тепло одеты и для сохранения боеспособности во время больших переходов перебрасывались на обывательских подводах.

Все это, при наличии в рядах белых огромного процента офицеров и унтер-офицеров, отчаявшихся в возможности легального возвращения на

родину, делало из войск генерала Молчанова и Вержбицкого компактную, скованную дисциплиной и общностью интересов массу, которую разбить удалось лишь героическим усилием, при высоком подъеме революционного духа наших бойцов.

В короткий срок части белоповстанческой армии укрепились за целым рядом искусственных проволочных заграждений, в построении которых была проявлена редкая работоспособность и пущены в ход большие вспомогательные средства.

Наиболее мощной укрепленной полосою была окружена дер. Волочаевка, где проволокой были опутаны не только колья, ее окружавшие, но и весь окрестный кустарник.

По отзыву самого командующего белоповстанцами ген. Молчанова, деревня Волочаевка, благодаря своим крепким заграждениям, являлась для нас недоступной, так как сами условия местности под Волочаевкой, представлявшие крайние выгоды для обороняющегося противника, совершенно лишали нас, за отсутствием хороших позиций и подступов, возможности открытия действительного ружейно пулеметного и орудийного огня и связывали наш наступательный маневр, не говоря уже о работе неприятельских бронепоездов, имевших возможность брать любой подступ и любой участок фронта под продольной жестокий обстрел.

Я немного далее остановился над боевым эпизодом под Волочаевкой, так как последняя, являясь ключом к Хабаровску, в глазах белокомандования была одним из главных стратегических узлов, и участь его в значительной степени предопределяла многое для них и для нас.

Командование белоповстанческой армией, как видно из секретного приказа ген. Молчанова от 5 февраля с. г. за № 572, прекрасно понимало, что им нельзя было ограничиться только одним техническим оборудованием позиций, что для успеха, как никогда, необходима была стойкость и решительность частей, дабы, находясь за проволокой и нанеся нам наибольшие потери, иметь возможность при удобном моменте перейти в контр-атаку и развить наступление на нас.

„Вопрос самого нашего бытия",—говорит генерал Молчанов в этом своем приказе,—„требует полного напряжения всех сил для достижения успеха. К вам, старшие начальники, я обращаюсь с призывом вдунуть в сердца подчиненных страстный дух победы. Надо переговорить со всеми и наэлектризовать каждого. Я убежден, что мы можем нанести такое поражение противнику, что ему долго не притти в себя. Победа нужна и должна быть. Внедрите всем, что проволоку бросить ни в коем случае нельзя". (Приказ ген. Молчанова от 5 февраля 22 года за № 572).

Так определяло бело-командование свое положение и так готовилось к отражению нашего удара.

В это время наши части, сосредоточившись на ст. Ин, также готовились к переходу в решительное наступление.

Большая часть наших бойцов была из только что мобилизованных, еще не прошедших срока воинской подготовки молодых народоармейцев

Условия жизни наших частей были очень тяжелые,— отсутствие населенных пунктов в районе боевых действий заставляло бойцов ночевать под открытым небом, а неимение нормальных средств питания вынуждало жить впроголодь.

Весь фронт, ясно сознавая громадные недочеты в деле снабжения, все же продолжал жить напряженной до предела работой предоставленной благодаря оторванности от тыла почти исключительно заботам своих военных продорганов.

В снегу, на морозе, полуголодные, после шести дней, проведенных под открытым небом, залегли наши цепи перед искусно построенными заграждениями противника у Волочаевки и, движимые единым желанием победить или умереть—победили.

И то, что по мнению противника казалось недоступным для нас, было достигнуто нашими революционными рядами, несмотря на холод, голод и крайне невыгодные для нас условия местности.

В этой героической борьбе таяли наши ряды за ранением, смертью и обмораживанием отдельных бойцов, но с каждым шагом крепло желание победы.

Много славных героев выбыло из наших полков, значительных жертв стоило для армии наступление, но столь страстно желаемая всеми победа венчала этот по истине редкий подвиг Волочаевского боя.

Я затрудняюсь выделить доблесть какой-нибудь отдельной части: геройски боролись и самоотверженно глядели в лицо смертм—все.

По занятии Волочаевки из осмотра проволочных заграждений, окружавших деревню, выяснилось, что действительно нужны были крайняя доблесть и беспримерное мужество для того, чтобы прорваться через них, и те трупы наших бойцов, что повисли на проволоке, наглядно говорили о том чего, это нам стоило. Без ножниц, без каких бы то ни было приспособлений для резки проволоки, наши бойцы собственными телами навалились на проволоку и перекидывались через нее, комсостав под бешеным огнем противника пробивал себе дорогу среди заграждений, разрубая проволоку и колья шашками.

Даже противник был восхищен подвигом наших частей. Полковник Аргунов, командовавший белоповстанческими частями района Волочаевки, убе-

гая к Иману, сказал, что он всем этим красным героям Волочаевки дал бы по георгиевскому кресту, потому что так могла драться только германская пехота.

Как я уже указывал, бой под Волочаевкой имел решающее значение для боевых операций в дальнейшем их развитии. Потеряв Волочаевку, противник потерял веру в возможность успеха, наши же части, овладев этой цитаделью каппелевцев, реально почувствовали силу своего революционного духа и то, что для них доступна окончательная победа над отборными офицерскими частями противника.

Бои под Нижне и Верхне-Спасским, Казакевичевым и в других местах, окончившиеся занятием Хабаровска, были дальнейшей дорогой побед наших славных красных орлов, но я не буду останавливаться на них, чтобы не выходить из рамок газетной статьи.

Одно могу сказать, что беззаветную преданность делу революции и Республике, нечеловеческую выносливость, редкую доблесть, мужество, величайшее самопожертвование и революционный порыв проявила Армия при выполнении возложенной на нее трудовым народом боевой задачи.

Что же сделал тыл в эту страдную пору героической борьбы нашей армии? Чем пришел он на помощь бойцам, терпящим холод, голод и другие лишения?

Очень немногим или почти ничем.

Тыл-город спал в обывательском равнодушии, за исключением быть может весьма немногих, братская поддержка которых с любовью доходила до нас.

Тыл, видимо, не чувствовал, что плохо обутые и одетые бойцы его трудовой нарреварми, стойко выдерживают боевую страду и жертвуют собой за право на мирное существование всех граждан республики и за целость ее государственных границ.

Тыл, видимо, не понимал, что наша народная по происхождению и революционная по духу армия сильна только братской поддержкой, которую оказывает ей в борьбе создавший и пославший ее трудовой народ ДВР.

Тыл оказался полуглухим к призывам притти на помощь фронту, и почти безответным осталось обращение военного совета НРА ко всем гражданам республики об увеличении внимания и забот по отношению к бойцам.

И вот теперь, когда кровью своей армия достигла победы и заняла Хабаровск, я хочу спросить всех, кто спокойно сидел в тылу, интересуясь нашей и своей судьбой лишь по газетам: чем пришел ты на помощь фронту?

Отдал-ли ты хоть что-нибудь из своего добра, чтобы накормить голодного народоармейца?

Сделал ли хоть что нибудь, чтобы согреть и одеть своих товарищей, сынов и братьев, замерзающих под вражеской проволокой,

Побывал-ли ты у раненого и сделал ли ты что нибудь, чтобы облегчить его страдания?

Если не сделал, то сделай сейчас же. Сделай немедленно, сделай все что в твоих силах!

Каждый гражданин спокойного тыла должен почувствовать и оценить тот по истине беспримерный подвиг, который выполняет фронт, и понять что преступным, совершенно нетерпимым и постыдным в настоящую ответственную минуту нашей великой борьбы с последней кучкой насильников, препятствующих нашей республике нормально развиваться, является тупое и сытое обывательское равнодушие.

Фронт голодает, фронт зябнет и болеет без одежды.

Я еще раз говорю всем гражданам тыла—проснитесь! Приступите к дружной братской поддержке фронта, помня, что там приносят на алтарь революции свою жизнь лучшие сыны свободного народа.

Армия имеет право требовать не только поздравительных телеграмм но и хлеба и участия, так как отдает лучшие свои силы и жизнь.

Это надо понять быстро и безоговорочно и пусть святая кровь, что пролилась столь большим потоком под Волочаевкой и на ледяных полях похода за Хабаровск, пробудит всех от мертвого равнодушия и преступного бездействия.

Ведь, большей самоотверженности, чем самоотверженность наших частей, и большей преданности общему делу свободы, чем их преданность—не может дать никто на земле.

Если нужны были доказательства боеспособности—наши победы лучшее тому доказательство. Если надо было убедиться в нашей готовности к самопожертвованию за революцию и республику—братские могилы, что лежат по сопкам на всем продвижении армии, способны убедить даже каменные сердца.

Сделай же ты, тыл, все, чего ждет от тебя твоя доблестная, защищающая твою свободу народно-революционная армия.

Помоги ей в минуту ее удач, чтобы она могла столь же победоносно закончить порученное ей дело очищения Приморья от последних врагов трудового народа.

Помоги армии водрузить красный флаг революции, вновь окрашенный кровью лучших сынов свободного народа—над Владивостоком!

Победившая армия обеспечит тебе покой и порядок в твоей стране.

БЛЮХЕР.

Завитая—Бочкарево.

ЗАБЫТЫЙ ДОЛГ.

Уже канули в вечность незабываемые дни Волочаевского боя. Уже затих жуткий гул наших орудий, посылавших смертоносные подарки врагам народным, продавшим японцам свою жизнь и совесть и любовь к родной земле.

Уже замолкли наши пулеметы и ружья, что посылали свои пули в сердца тех, кто, как Каин, поднял руку на братьев своих.

И порыв стихийный к желанной победе, рожденный беспредельной любовью наших бойцов к родине, к ее бедным хатам и необъятному простору полей, этот светлый порыв, что крепкой, непоборимой стеной окружил врагов свободы народной, уже далеко унесен вперед на Восток героями нашей Армии.

Одинокой стоит суровая сопка Июн Карани, что была свидетелем упорного, беспримерного по доблести боя.

Я и сам уже на тысячи верст уехал от того святого места, где таким ярким потоком пролилась святая народная кровь.

Но живут в душе светлые воспоминания о тех великих днях самоотверженного подвига наших убогих на вид, неодетых, полуголодных героев, которые без стона, без упрека, самоотверженно принесли на Голгофу страданий свою беспредельную любовь.

И хочется мне, ради памяти светлой о беззаветно погибших в упорном бою, рассказать хоть о немногих минутах из жизни тех, кто сам не сознавая неизмеримой глубины своего геройства, совершал его и, умирая, жалел только о том, что он не сможет уже больше ценою своих страданий, бороться за счастье и свободу, пославшего его в бой трудового народа.

И не о том красивом и ярком геройстве, о котором будет петь наше потомство в песнях своих, хочу рассказать я, а о том, что не отмеченным быть может канет в вечность, потому что его и нельзя отметить, так как вся жизнь наших частей в эти великие дни редкого подвига была непре-

рывным рядом беспримерного геройства, геройства всей массы наших бойцов.

Крепко засел враг за целым рядом проволок, непрерывным потоком пуль кидает он в наши цепи, что подошли вплотную к их заграждениям.

Смерть подошла и стала рядом с нашими бойцами. Но залегли они на холодном снежном ковре и ждут... Горят глаза их могучим порывом и полно сердце безудержной жажды победы... Холодно... Застывают руки и не гнутся замерзшие пальцы, но не выпускают они своих винтовок и ждут... Холодно... Хочется пить..

Пять ночей под-ряд провели они под открытым небом, негде было согреться, а утром, готовясь к бою, наскоро съели они по куску замерзшего снега с соленой рыбой и теперь хочется пить. Но нельзя сделать ни шагу назад, потому, что каждый шаг куплен ценою крови... И вот теперь, зарывшись в снег, выжидая команды, чтобы встать и итти дальше через проволоку, итти к победе, лежат они и лижут снег холодный, чтобы утолить жажду...

А вот еще.

Ночью, после боя 10-го февраля в передовой перевязочный отряд на третью полуказарму, единственное на расстоянии 20 верст несожженное противником при отступлении здание, привезли среди раненных бойцов № полка Шаргунова Илью.

Совсем еще мальчик на вид, он был очень легко одет, на ногах сапоги уже разбитые и обернутые мешком. Раненый в ногу, он более 5-ти часов пролежал в снегу над самой проволокой. У него оказались обмороженными обе ноги и одна рука.

„Со вчерашнего дня не ел я хлеба—не было, ну потому и ослаб, а то бы я и сам вышел",—рассказывал он, как бы извиняясь за то, что занял место на подводе.

Ни стонов, ни жалоб, ни упрека...

В ту же ночь был привезен очень тяжело раненый боец № полка Салазкин Петр. Осколок снаряда попал ему в живот.

Когда его на руках внесли в переполненную ранеными комнату и стали делать ему перевязку, совершенно спокойно, как о самой обыкновенной вещи, он сказал:

„Не стоит стараться, ведь все равно мне уже не жить. Займитесь другими, которых еще можно вылечить"...

Через несколько минут он умер.

А вот еще.—

По занятии нами Волочаевки, в передовой перевязочный отряд был привезен боец Шаров Иван, раненый в руку и в ногу и страшно обмороженный. Он был без сознания.

Только часа через три он пришел в себя и первыми словоми его были: „Где я. Взята ли Волочаевка".

В дальнейшем выяснилось, что он при нашем наступлении 10 февраля был ранен, и после того, как наши цепи отошли, остался под проволокой, и только 12 февраля, по взятии нами Волочаевки, он был подобран нашими санитарами.

В бою 10 февраля неприятельским снарядом совершенно оторвало ногу в колене одному из прислуги нашего танка. Когда ему после перевязки, сделанной в перевязочном отряде, кто-то сказал: „В плен попал ваш танк" он, несмотря на боль, совершенно спокойно возразил: „Чорта с два в плену—у него машина испортилась. Вот исправят машину и снова танка будет биться".

Командир N полка тов. Черемных, будучи тяжело ранен, когда узнал о том, что сделано распоряжение об эвакуации его в тыл, попросил: „Нельзя ли здесь остаться, чтобы поскорее вернуться в часть, а то увезут далеко, скоро ли тогда вернешься".

До беспредельности трогательные сцены пришлось наблюдать при эвакуации.

Всем бойцам был хорошо известен наш недостаток в санном обозе. С большим трудом можно было найти 2, 3 подводы для перевозки раненых с передовой линии в перевязочный отряд.

Вот пример—сценка при подбирании раненых в передовой линии. Санная подвода уже загружена, но на снегу есть еще много раненых. Подвода уже собралась тронуться в путь, как вдруг с саней раздался голос одного раненого:

„Товарищи, кто не особо тяжело ранен, давай мы поднизом поедем, а кто тяжело, так тех поверх нас погрузим".

Так в два этажа и поехали.

При погрузке в санитарный вагон можно было наблюдать такую картину:

Раненый, сам едва стоящий на ногах, говорил:

„Товарищи, которые полегче ранены, пообождите, пусть сперва тяжелых погрузят, а мы и на площадках, в теплушках доедем".

И все, кто мог стоять, ждали, пропуская вперед тяжело раненых. И долго, долго, без конца можно бы рассказывать о подобных случаях, но и то, о чем уже рассказано, достаточно ясно говорит о том, сколь беспримерна

самоотверженность тех, кто в невероятных лишениях, борется за счастье народа.

Стоит только вдуматься и хоть на миг короткий поставить себя на место тех незаметных героев, о которых рассказал выше, и все будет понятно.

И хотел бы я, чтобы эти строки, написанные, быть-может, и не совсем литературно, дошли до сознания тех, кто спокойно и в тепле живет в тылу.

Ведь все, что сказал я—это не выдумка, это правда, жестокая, бесконечно жестокая правда. И многое можно было бы изменить, во многом можно было бы помочь, если бы только очнуться от равнодушия, которое сделало то, что наши сердца остались глухими к призывам о братской помощи.

В те немногие ночи, которые я еще так недавно провел на фронте вместе с бойцами, у костров под открытым небом, мне казалось, что по какой-то досадной ошибке этим героям, столь беззаветно жертвующим своей жизнью, не оказано должного внимания и любви от тех, кто остался дома, в уютной обстановке домашней жизни.

И хочется верить, что это вышло действительно случайно, по недоразумению.

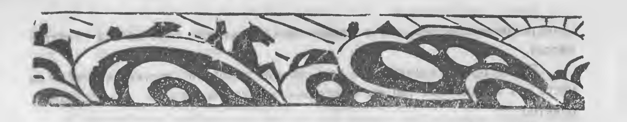
Ведь всякая мать и всякий отец, отдавая на борьбу своих сыновей, заботливо собирают их, отдают им все, что только смогут достать и выражением своей любви вселяют бодрость в сердца тех, кого любя больше всего на свете, все же отдают на борьбу за общее счастье.

Почему же наши герои лишены материнской заботы и ласки.

Я хотел бы, чтобы все отцы и все матери, а в особенности те из них у которых сыновья спокойно сидят в тылу, прочтя эти строки, заглянули в свои сердца и, быть может, им стало бы понятно, что они позабыли выполнить свой обязательный неотложный долг, выполнить который необходимо теперь же, не медля ни минуты, выполнить ради беспримерного геройства и самоотверженности наших бойцов

Фронт ждет этого, и с этим нужно поспешить.

А. К. П.

КАЗАКЕВИЧЕВО.

(Из фронтовых воспоминаний)

14 февраля поздно вечером Главком тов. Блюхер, я и ординарец приехали в пос. Н.-Спасское на Амуре.

Части Забайкальской группы утром этого дня выступили из Н.-Спасского через бесчисленные протоки рек Амура и Уссури для того, чтобы заняв Казакевичево, закрыть противнику возможность отхода по Уссури.

Оперативный представитель Штаба Забгруппы, которого мы розыскали в Н.-Спасском, доложил Главкому, что не исключена возможность неожиданного удара на Н.-Спасское со стороны отступающей по Амуру обходной группы противника (группа полк. Илькова).

Никаких сведений о достигнутых Забгруппой рубежах у него не было.

Все обозы, направляющиеся из Нижне-Спасского вслед за Забайкальской группой, усиленно конвоировались, так как не исключалась возможность натолкнуться на какую-нибудь часть противника, отступающего от г. Хабаровска и с линии Амурской ж. д.

Уже после полуночи наша маленькая группа в том же составе двинулась из Н.-Спасского по направлению к Казакевичево, имея целью до утра добраться до Штаба Забайкальской группы.

Почти сразу же начались бесконечные спуски и подъемы чрез множество больших и малых протоков.

Дороги не было, ехали по следу, проложенному прошедшими утром частями Забайкальской группы.

Условия движения были ужасающие—то глубокий снег, то голый, глубокий песок.

Очень скоро лошади наши уже „расписались". Пришлось итти пешком.

Идем молча... Еще стояли перед глазами только что прошедшие картины Волочаевского боя... И не хотелось говорить.

Сверлила мозг неотвязчивая, грустная мысль и так ярко рисовалась картина, как по этим протокам, завязая в снегу и песке только что шли

наши неодетые, полуголодные, уставшие бойцы, шли, прокладывая путь к новым победам.

Суровыми, недоступными, какими то враждебно настроенными кажутся одинокие унылые сопки...

Молчаливой, застывшей стоит холодная ночь и такими маленькими, затерявшимися казались мы среди этой замкнувшейся, суровой природы... И казалось странным мне, что вот тут рядом со мной, столь же беззащитным и одиноким, как и я, идет тот, в ком как в центре сосредоточились мозг и воля всей нашей Армии.

Бесконечно длинным кажется трудный путь, а впереди все те же суровыя сопки, та же холодная снежная скатерть и тот же песок, по которому так досадно тяжело итти.

Но греет сердце радостное сознание, что там где то далеко впереди идут уже наши боевые ряды и, быть может, бьются уже упорным смертным боем, защищая свою и нашу свободу.

Часа через три вдали, далеко, далеко мелькнули огни... Стало легче... Но хочется знать, чьей рукой зажжены те огни, рукой ли нашего уставшего озябшего бойца, ищущего тепла и отдыха или рукой врагов наших, быть может, также грубой рабочей рукой, по досадной ошибке сражающейся против нас.

И долго, долго маячили нам эти огни, казавшиеся сначала такими близкими.

Идем по реке... справа и слева высятся неприступные сопки, а впереди там за огнями чуть виднеются снежные вершины Хехцыра.

Подошли еще ближе... уже ясно можно определить, что впереди на льду протока, закрытая берегами, у ярких костров расположилась на ночлег чья то рать.

Чем то давно, давно минувшим веяло от этой картины... вспомнилась вдруг когда то виденная картина „Ледовое Побоище", и хотелось думать, что не в двадцатом веке, мы издерганные дети своего времени, подошли к современным войсковым отдыхающим частям, а что громадная дикая рать Чингис-Хана снова на миг короткий встала из мрака веков минувших и воскреснув снова жила...

Мы подошли совсем близко к огням. До нас доносилось фыркание лошадей, даже слышен был треск костров, но не было слышно ни звука человеческого голоса.

„Может быть пойти вперед и узнать—кто это.—спросил я.

„Пойдем вместе"—был ответ...

На Востоке стало светать...

Через несколько минут мы уже знали, что пришли к своим.

Накануне почти до самой ночи, части Забайкальской группы вели бой, сначала за обладание Казакевичевым, а потом с группой противника, отступавшей по Уссури,

Еще через час мы были уже в Казакевичево,

Как-то сиротливо дымилась догорающая часовня. На ней был установлен во время боя неприятельский пулемет, а потому часовню пришлось обстрелять огнем наших орудий. Теперь она догорала...

В Штабе группы мы скоро узнали все подробности минувшего боя.

С величайшим упорством противник защищал поселок, но с неменьшей стойкостью наши части шли в аттаку.

После трудного утомительного перехода, без отдыха ввязались они в бой и бились грудью, стойко бились до тех пор, пока не сломили врага.

Противник оставил поселок и рассеялся. Часть его, отступая, ушла в горный массив Хехцыр. Позже я слышал от пленных, вышедших из Хехцыра, что туда ушел целый полк имени атамана Семенова, который хотел пересечь Хехцыр и выйти на линию Уссурийской желдороги. Но едва достигнув середины горного массива, полк выбился из сил и доедая уже последних лошадей, ожидал неминуемой гибели. Глубокие снега и громадная высота Хехцырских сопок были непосильны для человека Только нескольк одиночных людей, решившихся сдаться нам в плен, вернулось с гор.

В каких условиях пришлось вести бой нашим частям и сколь велика была их стойкость, можно судить, хотя бы по немногим данным из докладов командиров полков.

„Бойцы устали"—докладывал один из них, „вот уже неделю почти совсем не спали. Не хватает и хлеба. Наблюдались такие случаи—идет боец, споткнется и падает... подойдешь к нему, а он уже спит, тут же на снегу спит"...

„Лошади совсем измотались"—докладывал командир № Кавполка,—„эскадрон идет в аттаку, а лошади валятся. Кавалеристы бросают лошадей и уже бегом догоняют своих. Но всетаки ничего—одолели"...

Молчаливые, уже застывшие трупы наших бойцов, что лежали на льду, снова наглядно говорили о том, сколь беспредельны жертвы трудового народа в жестокой борьбе за свою свободу.

Ранним утром все части были снова подняты и вышли вслед за уходящим по Уссури противником.

Мне пришлось говорить с бойцами выступающих частей:—„Очень устали?"—спрашиваю я.

„Ничего", отвечают бойцы, „только бы догнать, а там отдохнем. Вот хлеба только подгоните скорее".

После полудня наша маленькая группа выехала в Хабаровск.

Снова потянулись суровые, молчаливые, прибрежные сопки, но уже весело и бодро было на душе.

Не было никаких сомнений в конечной, полной победе. Такая Армия не может не победить. Железную крепость этих мрачных сопок, крайнюю выносливость, выкованную суровыми условиями жизни в тайге, беспредельную любовь с столь же беспредельному сиротливому простору своей родины и вдохновенный порыв, рожденный необъятным сердцем всего народа, впитала в себя наша армия и это сделало ее несокрушимой для врагов наших, что строят успех свой на обманчивом блеске золотых монет.

Так взят был еще один из важнейших стратегических пунктов противника—поселок Казакевичево.

А. Попов.

Тактика белых в последнем их белоповстанческом движении.

Опыт многочисленных вторжений белых войск в пределы Советской и Дальне-Восточной Республик ясно показал, что в ряду причин их не успехов одними из самых главных являются: во-первых,—неопределенность идей их борьбы, во вторых,—недопустимо грубая тактика белых войск по отношению к населению занимаемых районов и, наконец, в третьих,—ясное пособничество иностранного капитала.

Поэтому, организуя новый предательский поход на Дальне-Восточную Республику со стороны Приморья, Приамурское временное правительство Меркулова и К-о прежде всего с более или менее исчерпывающей точностью определило основные положения Приамурской государственности и предложило бело-повстанческой армии применить новую тактику по отношению к населению занимаемых ею районов, в основу которой было положено самое предупредительное отношение к населению, освобождение его от расходов на армию и принудительной в нее вербовки, а также постаралось криком о „национальном возрождении" замаскировать иностранное участие в новом походе на революционную Россию.

Завоевание симпатий населения для временного Приамурского правительства было вопросом жизни и смерти, так как правительство, имея в своем распоряжении солидный офицерский кадровый состав, вполне достаточный для будущего развертывания бело-повстанческой армии, нуждалось в притоке живой добровольческой силы за счет населения, дабы явилась возможность произвести фактическое развертывание белоповстанческой армии на более широких основаниях общенародного движения.

С этой целью правительством принимались все меры к тому, чтобы сделать свое новое предательское движение на Д. В. Р. популярным, и показать, что оно защищает трудовое население Уссурийского края и Приамурья.

Прежде всего, это движение было объявлено освободительным и строго национальным.

Несмотря на то, что японские иены легли в основу этого движения, что хищнические замыслы японского капитала защищались этими „национальными" героями, Приамурское временное правительство с беспредельной наглостью объявило, что целью организуемого им похода на Д. В. Р. является „национальное объединение русских граждан для самой беспощадной борьбы с коммунизмом до полного его уничтожения", борьба „за святую веру православную, за церкви божьи и за государство русское, за родину, за отечество и за родные очаги". (Листовка „Из летописи смутного времени").

Оно объявило, что бело-повстанческая армия поставила себе целью изгнать коммунистов из родной страны, чтобы дать возможность бывшему некогда великим и могучим народу устроить свою жизнь по своему, на основах самого тесного национального объединения, без вмешательства тех „не русских людей, которые теперь, стоя у власти, дожигают в кровавом пожаре сумашествия и разбоя Родную русскую землю". (Листовка „Обращение генерала Молчанова к офицерам и солдатам русской армии").

Правительство широко опубликовало основные положения Приамурской государственности, взяв за основу резолюцию, предложенную политической секцией съезда несоциалистических организаций Дальнего Востока и принятую на шестом пленарном заседании 27 марта 1921 года. а также и тезисы, принятые „Обновленным обществом русских людей" и заявило, что конечною целью всей его деятельности является „восстановление единой великой и свободной России, в которой русскому народу будет обеспечено спокойное и свободное выражение своей созидающей воли через Всероссийское Учредительное Собрание—единого хозяина земли русской". (Листовка „Основные положения приамурской государственности").

Взяв за основу движения повстанческой армии таковые лозунги и стремления, Приамурское временное правительство двинуло на нас свою армию и, легко достигнув, в виду нашей неподготовленности, первых своих успехов, постаралось использовать свое продвижение по Уссурийской железной дороге и занятие Хабаровска для того, чтобы опереться на население занятых белой армией районов.

Правительство повсюду кричало о своем демократизме, всячески старалось показать, что только у них и их великом национальном движении, скрывается счастье и благо всего русского народа.

Общий тон газет, воззваний и приказов усиленно ратовал за то, что население должно немедленно и широко поддержать эту бескорыстную и самоотверженную борьбу за восстановление единой Великой России, нача-

тую новым Мининым—Меркуловым и новыми Пожарскими—Молчановым, Вержбицким и другими.

Своим отношением к населению занятых районов бело-повстанческая армия хотела наглядно доказать, что интересы населения для армии выше всего. Никаких бесплатных реквизиций совершенно не допускалось, платная реквизиция, подводная и квартирная повинность допускались только в строго-установленном порядке через выборных от населения лиц и то обывательские подводы почти всегда оплачивались.

Очень характерным и показательным в этом направлении является письмо, отобранное у взятого в плен под Ином штабс-капитана Семенова, где с большим цинизмом рисуется истинная подкладка этой щедрости: „Необходимо быть нашим крайне осторожными по отношению к этой сермяжной скотине, т. е. первое время не надо показывать кнута. Наше командование в этом направлении работает успешно, даже платит хамам за подводы 10 золотых копеек с версты. Пусть лучше платят мужичью не по 10, а по 20 копеек за версту, чем вслух говорить о том что думают...".

Правительство Владивостока понимало, что и пополнение армии путем принудительной мобилизации определенных сроков может встретить враждебное со стороны населения отношение, и, не давши само по себе никаких результатов, может послужить только препятствием к притоку добровольцев, а потому широко оповестило население, что „русская народная власть не хочет в настоящее время заставлять истомленный народ служить в армии по мобилизации, что для защиты освобожденного края есть небольшая, но сплоченная армия повстанцев". (Листовка Молчанова „Обращение к офицерам и солдатам русской армии" от 12 января 1922 года, гор. Хабаровск).

Оно обратилось с призывом ко всем, „в ком горит любовь к родине кто не может жить без мысли о существовании единой Великой России" придти в ряды повстанческой армии добровольно. Население оповещалось о том, что повстанческую армию с радостью встречает население, и что армия быстро пополняется добровольцами из крестьян и казаков. Все это было расчитано на широкий приток добровольцев.

Для обеспечения своего успеха командование бело-повстанческой армии сделало попытку и к разложению боевых рядов НРА. Самым предупредительным отношением к раненым и пленным командование с самого начала хотело развить со стороны народоармейцев стремление к перебежкам и добровольной сдаче. К этому же призывало оно бойцов НРА и своими воззваниями, в которых обещало сытую жизнь на военной службе и возможность немедленно быть отпущенным из армии.

Фактором громадного значения в смысле поднятия авторитета повстан-

ческой армии за счет уменьшения симпатий населения к Народно-Революционой армии явилось партизанское движение Приамурской области.

Красное партизанское движение Приамурья было развито очень широко и в прошлом красные партизаны сыграли очень большую роль.

Это движение в свое время народилось, во первых, для защиты интересов трудового крестьянства, отстаивавшего свои права на землю, а во вторых, для защиты крестьянства от насилий, учиняемых белокомандованием.

Во все предыдущие свои настуления командование белых армий с целью заручиться поддержкой Уссурийского казачества всячески расширяло его права на землю, урезывая даже для этого земельные права трудового крестьянства.

Кроме того, крестьяне видели, что за спиной белокомандования скрывалась жадная рука японского капитала, а потому боялись, чтобы эта рука не протянулась и к их земле.

С другой стороны, безудержная вакханалия всяческих насилий, порок и других унижений, к которым по совершенно непонятным причинам прибегало белокомандование по отношению к крестьянам, послужило также причиной тому, что крестьяне присоединялись к партизанским отрядам, дабы оградиться от всякого рода насилий. И так как партизанское движение в то время являлось защитой земли и личной неприкосновенности крестьян, то крестьяне, существенно заинтересованные в развитии этого движения охотно пополняли партизанские отряды и вносили в борьбу с белыми исключительную страстность и упорство. В партотрядах же сосредоточился и весь крестьянский революционный элемент. Бело-повстанческое движение своей новой тактикой уничтожило эти основные причины, сковывающие в крепкие, стойкие боевые ряды всех партизан, а потому и партотряды совершенно изменились и по своему составу и по своей сущности.

Вместо революционного крестьянства, шедшего с энтузиазмом в партизанские отряды в момент японского выступления 1920 года и теперь в большей части сражающегося в рядах регулярной армии, к партизанским отрядам в настоящее время присосался авантюристический бандитский элемент, к которому присоединились дезертиры регулярных частей. Вследствие этого, партизанские отряды из необходимых попутчиков НРА в дни минувшей борьбы в данное время явились в рукак противника оружием против нее.

Белокомандование, конечно, не замедлило использовать несоответствие партотрядов высоким задачам народной борьбы, использовать для своей политической работы среди населения.

Противник учел массовый анархо-максималистический уклон амурских партизан и на каждом углу затрубил о том, что партизаны ссорятся с коммунистами и не желают идти на фронт.

Противник учел и то, что ранее бывшее революционное настроение крестьянства упало, так как исчезли основные причины, вызывавшие в свое время революционный порыв крестьян, и стал усиленно помогать этому упадку, всячески ругая калмыковщину и словом и делом, поведя борьбу против нее среди повстанческой армии, расстреливая за оскорбление жителей своих солдат и офицеров.

Выгодно оттеняя дисциплинированность своих регулярных частей, путем сравнения их с красными партизанами, противник учитывал, что для него важно не только унизить в глазах населения существующие партизанские отряды, а важно остановить крестьян от ухода в сопки, создать ненависть и недоверие к нашей регулярной армии и заставить население пойти погнать эту армию.

Для достижения этого противник всюду кричал о том, что наши партизанские отряды руководятся комиссарами и коммунистами и, таким образом, искусственно, старался уничтожить грань между регулярными частями НРА и партизанскими отрядами.

И подчас совершенно недопустимые действия амурских партизанских отрядов, подчеркнутые усиленной агитацией белокомандования, конечно, не могли не оказать вредного влияния на отношение населения к Народно-Революционной армии.

И только беспримерным мужеством и редким упорством народно-революционных полков, столь быстро откинувших белоповстанческую армию, и только самыми решительными мерам, принятыми к уничтожению в партотрядах бандитских тенденций, явилось возможным остановить дальнейшее развитие недоброжелательства населения, недоброжелательства, вызванного несоответствующей деятельностью партотрядов.

С другой стороны, к партизанским отрядам, имевшим здоровый революционный состав, белое командование применяло иные приемы и подходы, пытаясь поймать незрелое революционное чувство крестьянских масс, входивших в большинстве в эти отряды, их неподготовленность к правильной оценке текущих событий на квази революционную удочку возрождения России, под флагом Учредительного Собрания, играя в то же время на национальном самолюбии казачеекого элемента в этих отрядах и их малых симпатиях к коммунистам.

Так в конце января командир 3-го желтого отряда полковник Степанов по приказанию свыше попытался вступить в сношение с партотрядом Шевчука, оперировавшем на хабаровском направлении, и предложил ему вступить в переговоры. „Зная, что вы отнюдь не коммунист, поборник народной свободы и сторонник демократической власти, свободно выбранной народом,—я с разрешения командующего, выразившего согласие и желание

вести переговоры, предлагаю вам лично или уполномоченному и вполне ответственному лицу вступить со мной в предварительные переговоры“ и т. д.

Но попытка внести разложение в партотряды таким дешевым путем заигрывания, потерпела неудачу потому, что партизаны по собственному опыту знали цену белогвардейским обещаниям и меру их фальшивой демократичности.

Вообще командование бело-повстанческой армии усиленно старалось показать себя самым искренним защитником интересов русских людей и использовало с этой целью все доступные средства. Но, повидимому, плохо принималась населением их демократическая самоотверженность, потому что в приказе от 3-го января с. г. за № 43/оп. генерал Молчанов объявляет „В целях сохранения в тайне нашей организации и наших сил и в целях создания у населения более действительного впечатления о нашем движении как о повстанческом, приказываю наименование бригад заменить нижеследующими: 1-я стрелковая бригада—1-й белый повстанческий отряд и т. д.“

Но все эти шаги Приамурского правительства и высшего командования белоповстанцев, сделанные с целью поставить на твердую почву свое шаткое предприятие, не имели существенных результатов.

Население видело столь трогательное отношение к своим интересам со стороны белоповстанческой армии, принимало их деньги в оплату за взятое у него добро, но оно также видело и то, что все расплаты производятся иенами и, чувствуя, что за всем этим наружным демократизмом заботливо скрывается японская рука, не пошло навстречу новому движению и не оказало поддержки повстанческой армии.

Прежде всего, отказались оказать поддержку крестьяне. Правда, они, быть может, и разделяли лозунг бело-повстанцев, что русская земля только для русских, но, сознавая, что за спиной этих русских генералов идет к нам японец, не верили в светлые обещания обеспечить хлеборобу мирный и свободный труд. Не верили и не встали, чтобы оказать поддержку.

Уссурийское казачество также осталось глухо к призывам белых. „Наш путь“, говорили казаки Кукелевской станицы, и лежит вместе с крестьянами. Встали бы за вас крестьяне—и мы встали бы. Но крестьяне не идут, не пойдем и мы“. И казаки не пошли, несмотря на то, что белые местами пытались сыграть на земельном антагонизме крестьян и казаков, суля последним восстановление их имущественных привиллегий.

Не имела успеха и попытка увеличить повстанческую армию за счет перебежчиков. Правда, 3-х фунтовая хлебная суточная дача казалась, быть может, и очень заманчивой для некоторых из бойцов НРА, получающих один фунт, да и то не всегда исправно, но лишения и муки, что перенесла Народно-Революционная армия, спаяли ее ряды гораздо крепче, чем сытая

жизнь белых рядов. И не стремление бежать пробудилось в сердцах народоармейцев, а стихийная жажда победить сытое довольство тех, кто, как Каин, поднял руку на братьев своих.

Предписанная белокомандованием новая тактика по отношению к населению, однако, не всегда и не везде была точно выполнена частями белоповстанческой армии. Есть много случаев, когда белые командиры открывали свое действительное лицо проявлением насилия над населением.

Одним из наиболее ярких случаев действительной „гуманности“ белого командования являются пытки и убийства 28 человек, зверски замученных в поселке Казакевичево отрядом Сахарова.

С потерей белыми Хабаровска рухнули надежды их на успех, а вместе с этим отпала и необходимость в проявлении гуманного демократизма. Из показаний жителей поселков по реке Уссури и Уссурийской железной дороге устанавливается, что при отступлении повстанческой армии белые уже почти ни за что не платили, уже не скрывали своих действительных целей и на глазах у населения низшее командование обвиняло высшее в предательстве и в продаже русских интересов японцам.

Уходя белоповстанцы говорили крестьянам и казакам: „Мы уходим не только потому, что нас разбили красные, а потому, что вы нас не поддержали“.

Уход белых у подавляющего большинства населения не вызвал никакого сожаления.

Так сорвалась новая, хитро задуманная авантюра Приамурского временного правительства и вольнонаемных генералов, сорвалась несмотря на их новую тактику, сорвалась потому, что народ в массе своей определенно чувствовал ложь и предательство этих новых „героев“.

А. П.

Тактический обзор операций на Восточном фронте

За время с ноября 1921 года по март 1922 года.

С самого начала Меркуловского переворота, который, конечно, без помощи интервентов не удался-бы, желание меркуловцев-каппелевцев было распространиться по Приморью. Постепенно под защитой японцев они начали проникать в область, сначала на Сучане, потом и в окрестностях Никольск-Уссурийска.

Каппелевские отряды появлялись только там, где гарнизоном стояли японцы, оттуда опять таки под прикрытием тех же японцев они выходили в окрестности, но быстро отгонялись на свои места партотрядами Приморья. Выбить же каппелевцев из занимаемых ими деревень мы не могли, потому что там же находились японцы. Правительство же Д. В. Р., желая мирным путем ликвидировать Меркуловскую авантюру и ведя переговоры по этому поводу с японцами, не вводило в Приморскую область кадровых частей и запрещало Анучинскому и Яковлевскому гарнизону вступать в столкновение с японцами, без коего не обошлось бы при ликвидации на местах расположения каппелевцев, так как каппелевцы одни не выходили.

Оставалось только отнимать грузы, идущие на подводах Каппелевцам под их охраной и забирать в плен вышедших без японской охраны Каппелевцев, что нами и делалось.

Но вот в ноябре месяце стало заметно особенное оживление Каппелевцев, и ночью 5 ноября дессанты противника, высадившись одновременно в заливах Восток и Америка с 6-ти пароходов, при поддержке артиллерии с судов повели наступление вверх по долине реки Сучан и оттеснили партотряды сучанского района.

Ввиду обнаружения наступления Каппелевцев в Сучанском районе, Комвойсками Приморского района решил противопоставить этому наступлению Анучинский гарнизон, а в Анучино, как главное направление перевести гарнизон из деревни Яковлевки, но как и следовало было ожидать Каппелевцы в громадной степени преобладающими силами повели наступление и на

Анучино и на Яковлевку, и малочисленные войска Приморского района принуждены были отступить—часть в Улахинскую долину, часть в Ольгинский район, а партизаны остались по своим районам.

14-го ноября Каппелевцами был сделан налет на 4-х пароходах в бухту Ольга, где были захвачены пароходы „Монгугай", „Диамид", „Лейтенант Дыдымов" и катер „Амур", уведенные в свое время партизанами из Владивостока. Бой происходил на улицах поста Св. Ольга. Потеряв 22 убитых, партчасти под натиском превосходящего в 4-раза противника оставили Ольгу.

22-го ноября Капчасти заняли урочище Анучино.

Заняв Приморский район и обеспечив себе тыл и правый фланг, Каппелевцы повели наступление вдоль железной дороги и, высадившись на станции Шмаковка, двинулись на ст. Уссури и Прохаско в количестве 500 человек. Двигаясь в обход через дер. Тараща, Каппелевцы после боя занимают ст. Уссури. Находившаяся там рота жел.-охраны была окружена, но пробилась в дер. Буссе, что севернее ст. Уссури. Как потом выяснилось в наступлении на ст. Уссури со стороны противника принимал участие Воткинский полк при дивизионе кавалерии. Мы же южнее Имана по договору имели право и держали только охрану жел.-дороги.

Противодействовать наступлению Каппелевцев мы сразу ничем не могли, кроме 3-х рот 6-го полка, стоящих в Губеровом.

Для противодействия продвижению противника был брошен баталион 6-го полка и бронепоезд № 7, которые продвинулись 30-го ноября до разъезда Танга, здесь нами был обнаружен обход правого фланга неприятельской конницы и наступление пехоты противника, как выяснилось—Ижевского полка на Елизаветовку, ввиду чего бронепоезд отошел на ст. Прохаско, а деревни Тангинская и Елизаветовка были заняты двумя ротами 6 го полка с задачей задержаться на линии Верхне-Михайловской—ст. Прохаско—Пантелеймоновка. 1-го декабря роты, занимавшие Тангинскую и Елизаветовку, были атакованы неприятелем одна из них оттеснена на Пантелеймоновку, а другая окружена и только к ночи 2-го декабря пробилась в дер. Рождественка. В результате наши части, охватываемые противником с обоих фронтов, отошли сначала на линию Муравьев-Амурский, а потом в район Имана.

Противник большими силами повел наступление на Муравьев-Амурский и 3-го декабря занял его.

Не желая и не думая воевать, демобилизовав в Армии старые сроки службы, оставив в частях только молодых, еще не обученных, народоармейцев, имея на фронте только 6-й полк малого состава, без кавалерии (4 й Кавполк перед наступлением Каппелевцев был переведен в Хабаровск для

поправки комсостава, обессиленного отсутствием фуража—осенний пал уничтожил все запасы) мы принуждены были отступать до прибытия свежих сил.

4-го декабря противник повел наступление на Иман со стороны Красноярска, ст. Муравьев-Амурская и дер. Введенки, действуя на флангах конными частями. После 10-ти часового боя части 6-го полка, под прикрытием бронепоезда, начали отходить с Имана, задерживаясь у завода Скидельского, что на левом берегу реки Имана. Прикрывавший отход бронепоезд, отбивая пулеметным огнем кавалерийские атаки противника при проходе желдорожного моста через реку Иман, потерял одну бронеплощадку с трех-дюймовым орудием, которая оторвалась, так как костыли на рельсах были уже сняты противником.

6-му полку вместе, с подошедшей к нему конной разведкой 5 го полка, было приказано оторваться от противника до ст. Бочарово, собрать там все свои части, сосредоточить там высланный из Хабаровска баталион 5-го полка и легкую батарею и сдержать наступление противника до подхода других частей из Хабаровска.

Но это не удалось потому, что окрыленный успехом противник, имея превосходство в силах, шел на наших плечах, охватывая все время своей кавалерией наши фланги. На Бочарове мы не могли удержаться и отошли на Бикинские позиции.

6-го декабря заняв Бикинские позиции, для ликвидации обхода по реке Уссури, Комполка 6-го Нельсен Гирс выдвигает две роты пехоты, взвод конницы и два орудия в дер. Лончаково.

8-го декабря наши части располагались: баталион 55-го полка с командой конных разведчиков—поселок Васильевский,—3 роты 6-го полка при двух орудиях и бронепоезд—на Бикинских позициях, отряд в составе двух рот при двух орудиях в движении на Лончаково, откуда не обнаружив противника, 9-го декабря возвратился обратно.

За это время противник сосредоточил на фронте Уфимский и Камский пехотные полки, бригаду ген. Осипова, бронепоезд, Сибирский казачий полк и Омский пех. полк—всего около 2.500 штыков и сабель.

11-го декабря наш отряд, занимавший пос. Васильевский, был атакован с правого фланга и с фронта и одновременно обойден между Васильевским и ст. Бикин. Потеряв 4 пулемета, наши части, после боя, оставили Васильевский и отошли в направлении Розенгардовка.

В связи с угрозой выхода противника на желдорогу через Лончаково в тыл Бикинским позициям, 6-й полк был вынужден отойти на линию Лончаково-Лермонтовка-Пушкино.

Обнаружив попытку противника охватить наш правый фланг с Кит-

стороны, баталион 5-го полка из Лончаково был отведен на ст. Розенгардовку, но, согласно приказа Комвойсками Приаво, должен был снова занять эту деревню во исполнение чего и двинулся при двух орудиях. Лончаково оказалось уже занятым противником и баталион 5-го полка в пути следования был встречен неприятельской пехотой, с которой вступил в бой. Одновременно противник бросил конницу в обход правого нашего фланга и начал теснить части 6-го полка по долине реки Бирушка и в обход со стороны дер. Пушкино. В результате части 6-го полка и бронепоезд отступили на ст. Котиково, а баталион 5-го полка был окружен и потерял во время боя 2 орудия—отошел тоже на Котиково.

14-го декабря прибывает на фронт рота 4-го полка и выдвигается на разъезд Гедике, что в 7-ми верстах южнее Котиково, прибывает дивизион 4-го Кавполка с двумя конными орудиями и направляется для ликвидации обходящих нас по реке Уссури отрядов Каппелевцев, прибывшая саперная рота располагается—ст. Котиково.

15-го декабря группой Каппелевцев в 60 человек, налетевшей с Китстороны на ст. Дормидонтовка, взорван мост и прервана связь со Штабом Округа, но вскоре все исправляется. На фронт перебрасывается прибывший баталион 4-го пехполка и прибывающие с Амура 4-й и 5-й Кавдивизионы.

Наши части под давлением противника и под угрозой обходов правого фланга по Китстороне постепенно отходят на север.

К 18-му декабря стал подходить Амурский пехполк с легкой батареей и был направлен на Ново-Троицкое—Казакевичиво.

В это время неприятель бросает свою кавалерию от Невельского на Волочаевку для перерыва нашей желдороги, но своевременно принятыми мерами эта группа ликвидируется.

Амурский полк тоже не мог сдержать наступления противника: прежние силы наши были обессилены постоянным отходом и боями с на много превышающими количественно неприятельскими силами, страшные морозы помогали таянию сил и 22-го декабря Хабаровск был оставлен нами. Еще под Покровкой и Владимировкой наши части пытаются удержаться, но не могут и отходят на Волочаевку, а затем далее на ст. Ин.

К концу декабря все наши части сосредоточились на ст. Ин.

Неприятель задержался на Волочаевке и когда 28-го декабря пошел снова в наступление на ст. Ин, то был отбит нашими отдохнувшими частями и с большими потерями принужден был вернуться обратно на Волочаевку.

С этого момента начинается подготовка с обоих сторон для новой операции: нами для обратного взятия Хабаровского района, каппелевцами для закрепления за собой Инского плацдарма.

Так кончился первый период борьбы за Хабаровский район.

Выводы: мы оставили Хабаровск потому, что забыли старый Закон—хочешь мира—готовься к войне, а мы, надеясь мирным путем ликвидировать Меркуловскую авантюру, отпустили к мирному труду своих бойцов и в нужный момент не могли противопоставить хорошо обученной неприятельской армии, да еще преобладающей на данном участке во много раз наши силы.

II-ой Период.

После того, как войска Хабаровского района, застигнутые врасплох нападением Каппелевцев и пополняемые мелкими партиями, не успевая задерживаться на рубежах, в конце концов отошли на Инские позиции и там временно задержались—явилось желание Штаба Восточного фронта перейти в контр наступление. Но сил еще не было.

Противник же закреплял технически за собой Инский плацдарм, чтобы затем перейти в наступление.

В конце января заканчивается сосредоточение в районе Бира Ин Забеловский. подошедших частей Читинской бригады, Троицкосавского Кавполка с батареями; в это время полки Сводной бригады (5-й, 6-й Амурские полки) пополняются подошедшими маршевыми командами.

К началу февраля на фронт прибыл Полевой Штаб Главкома и начинаются подготовительные операции для овладения дер. Волочаевка, Верхне и Нижне-Спасское, как ключами к занятию всего Хабаровского района.

К этому времени мы имеем (схема № 1) Сводную бригаду, 4-й Кавалерийский полк и отряд Петрова-Тетерина, расположенных на ст. Ин, Читинскую бригаду, расположенную в поездах на ст. Ин, разъезд Аур и 2 полк на третьей полуказарме у Ольгохты. Троицкосавский Кавполк в поселке Забеловский, отряд Шевчука в Восторговке (севернее Ольгохты) и отряд Бороздина, как прикрытие тыла в районе Надеждинская и Михайло-Семеновск.

Неприялель занимает Ольгохту, Волочаевку, Верхне-Спасское и отряд под командой Карлова-Илькова в 500 человек двигается в район Надеждинская, Русская поляна.

Места сосредоточения наших войск мало населены: разъезд Аур—5 дворов, станция Ин—40 домов, Забелевский—20 дворов, от ст. Ин до станции Ольгохта имеется 3 здания, из которых два были сожжены противником и до Волочаевки ни одного здания, кроме третьей полуказармы.

Все здания, дома и корейские фанзы неприятелем сожжены. Мосты от третьей полуказармы перед Ольгохтой сожжены и далее сжигались по мере отхода неприятеля.

Сам же неприятель находится в очень выгодных условиях, как такти-

ческих, так и хозяйственных (большие и частыя деревни и много фуража).

Главком решает занять Ольгохту, временно закрепиться, исправить мосты, подвести броневики, за ними подвести эшелоны с войсками и разгружая на Ольгохте начать главную операцию в районе Волочаевка и Верхне-Спасское.

4-го февраля отдан приказ Главкома и приказ войскам Восточного фронта, по которым: Комгруппы Забайкальской гр. Томину, частями Читинской бригады, одним полком Сводной стрелковой бригады, одним эскадроном 4-го Кавполка, 3-й Отдельной легкой батареей с придачей бронепоездов №№ 2, 8 и 9 и одного танка. Отдельной желроте и Отдельной сапроты, 5-го февраля выбить противника из района Ольгохта, исправить мосты и желдорожный путь и удерживать район до развертывания всех частей Забгруппы и Сводной стрелковой бригады для перехода в общее наступление.

4-го февраля эскадрон 4-го Кавполка, Отдельная легкая батарея выступили на вторую полуказарму.

Бронепоезд № 8 выступил со станции Ин на восток для смены бронепоезда № 2. Команды 2-го Читинского полка, 1-й баталион того-же полка, Особый Амурский полк выступили утром 5-го февраля и прибыли на третью полуказарму для смены 2-го полка. По смене Амурским полком, 2-й Читинский полк с 3-й легкой батареей и 3 эскадроном 4-го Кавполка выступили для занятия Ольгохты. Противник при отступлении сжег два барака, была сделана попытка поджечь и третий барак, но подошедшими нашими частями пожар был ликвидирован. Наши части начали продвигаться вперед. К вечеру 5-го февраля мосты до разъезда Ольгохта были исправлены.

В то же время отряду Петрова-Тетерина приказано двигаться от Ольгохты на Восторговку, присоединить к себе отряд Шевчука и под общим командованием Петрова-Тетерина идти на Архангеловку.

6-го февраля идет подтягивание частей, починка мостов и усиленная разведка.

7-го февраля, выслав вперед пешую разведку, первый баталион 2-го Стрелкового полка повел наступление на первую, восточнее Ольгохты, полуказарму. Спустя непродолжительное время наша разведка вошла в соприкосновение с одетой в белые халаты разведкой противника. Завязалась ружейно-пулеметная перестрелка, разведка противника оттеснена к третьему от Ольгохты мосту, занятому противником. При продолжавшейся перестрелке у третьего моста, первый баталион развернулся в боевой порядок на расстояние одной версты западнее его и под обстрелом артиллерии бронепоезда, старавшегося сосредоточить артиллерийский огонь на нашем бронепоезде,

стоявшем у второго моста, повел дальнейшее наступление. Завязался бой. В 4 часа 50 мин. пешей разведкой было обнаружено севернее железной дороги движение обходной колонны противника, что вынудило с нашей стороны выслать в этом и южном направлениях усиленную разведку. Одновременно были приведены в боевую готовность 2-й и 3-й баталионы, противник стал обстреливать разъезд Ольгохта с северной и южной сторон, причем с последней артогнем, так как там у него оказалось два орудия. С западной стороны появившимся разъездом противника подожжен мост в ста саженях от Ольгохты, но бронепоездом № 8 мост был потушен.

Ольгохта со всех сторон была окружена противником, но усилиями бронепоезда № 8 и третьей Отдельной батареей расстреливавших в упор картечью идущего в атаку с южной стороны противника, положение было восстановлено.

Рассыпавшись в это время в цепь третий баталион по полотну железной дороги и второй баталион, по обрыву, что севернее Ольгохты, 10—15 сажен, открыли ружейно-пулеметный огонь по наступающему противнику. С обоих сторон начался ураганный огонь.

Бой продолжался до 7 часов, после чего противник под обстрелом ружейного, пулеметного и артиллерийского огня стал отступать.

В 14 час. наши части перешли в наступление на первую к Востоку от Ольгохты полуказарму, куда отходил под удачным огнем нашего бронепоезда бронепоезд противника. Бронепоезд противника поджег первую полуказарму и два не больших моста за полуказармой, после чего отошел на запад.

Противник наступал на Ольгохту тремя колоннами с юго-востока, по желдороге и с севера. В состав обходной юго-восточной колонны входили: Омский пехполк и Уфимский пехполк 350—400 штыков и конная разведка Омского полка под общим командованием командира уфимского полка полковника Сидоманидзе.

Вторая колонна по жел. дороге в составе добровольческого полка, 8-й Камский полк и первого Егерского полка, бронепоезда Волжанин и два орудия (число пулеметов в полках неизвестно.

О частях, входящих в состав северной колоны, сведений не имелось.

В то же самое время Тройцкосавский кавполк занимая, Забеловский, Луговской, ведет усиленную разведку на Верхне-Спасское и Волочаевку, но все время встречает сильное противодействие застав противника.

Обходная колонна противника 500—800 штыков полковника Карлова-Илькова в это время выходит и занимает Степановское-Воскресенское (что к востоку от Михайло-Семеновского). Движение его обнаруживает направление не на жел. дорогу, а на Михайло-Семеновское. Начальник нашего от-

ряда Бороздин, оставив охрану для заготовок в Михайло-Семеновском, переходит в район Надеждинское.

Отряд Шевчука находится в Восторговке. Его передовые заставы из Улеке вытесняются противником. Архангеловка занимается противником в количестве 500 штыков.

Для развития успеха у разъезда Ольгохта Главком приказывает: Сводной бригаде с приданными частями перейти в район Ольгохта—первая полуказарма восточне ее. Сменив полк Читбригады и 8 го февраля занать на линии горы Лумка-Карани исходное положение для дальнейшего наступления на Волочаевку. Забгруппе, сосредоточившись в районе Ольгохта, выйти оттуда на Верхне и Нижне-Спасское для занятия их и для дальнейшего занятия Казакевичево. Один полк Читбригады оставить во фронтовом резерве.

9-го февраля противник занимает дер. Архангеловка, водокачку у реки Поперечная и Верхне Спасское, Архангеловка-Волочаевка-Спасское укреплены сильными проволочными заграждениями.

К этому времени Сводная бригада занимает гору Лумку-Карани. Забгруппа в 11 час. выступает кратчайшим путем с разъезда Ольгохта, почти без дороги, на Верхне-Спасское.

К исходу этого дня Главком приказывает Сводной бригаде занять Архангеловку и Поперечную, а с рассветом 10-го февраля перейти в общее наступление на Волочаевку. Командующему Забгруппой к исходу 9-го февраля занять Верхне и Нижне-Спасское. К исходу суток Сводная бригада выполняет свою задачу, Забайкальская же группа ввиду отсутствия дорог выходит к Верхне-Спасскому только днем 10 го февраля. Троицкосавский кавполк сосредоточившись в поселке Забеловский со всеми командами и батареей 9-го февраля выступил на Верхне-Спасское.

К исходу 9-го февраля Сводная бригада заняв линию реки Поперечной с утра, 10-го февраля переходит в наступление на всем участке Волочаевского района. 5-м полком занимался 20-ти саженный мост через реку Поперечная и водокачка. Мост этот был подорван, но своевременно исправлен подошедшим 5-м полком.

В 11 ч. 50 м. Сводная бригада перешла в решительное наступление на Волочаевку и завязался бой: налевом фланге 5-й стрелковый полк обошел Волочаевку с северной и северо-западной стороны; 6 й полк обошел с южной стороны; 4-й кавполк двинулся за 5-м полком с северной стороны в тыл Волочаевки и Особый Амурский полк двигался правее 5 го стрелкового полка вдоль линии жел. дороги и таким образом Волочаевка оказалась окруженной. 3 й стрелковый полк с Лумка Карани выступил на Поперечную.

Сводная бригада к исходу 10-го февраля занимает следующие положения: 5-й стрелковый полк обошел Волочаевские позиции с северной сто-

роны и вместе с 4 кавполком, атаковал гору Июнь-Карани с восточной стороны—залег у горы, справа пятого полка до жел. дороги—Амурский полк, по желдороге и правее ее—6-й стрелковый полк.

Продвижению наших сил много препятствовал интенсивный и меткий огонь неприятельских броневиков и батарей, расположенных на горе Июнь-Карани. Наш танк, пройдя через проволочные заграждения, был сбит противником. Две роты, наступавшие вместе с танком, были уничтожены метким огнем. Стало ясно, что слышанные ранее взрывы были ничем иным, как пристреливанием подступов к Волочаевским позициям, потому что не успевали наши батареи выехать на позицию, как сразу же были сбиваемы метким огнем противника. Наши цепи несли большие потери от меткого огня противника, вся станция и поселок Волочаевка и гора Июнь-Карани были обтянуты проволочными заграждениями в несколько рядов; все деревья и кустарники вокруг этого района были заплетены проволокой тоже в несколько рядов. Все это было простреляно артилерийским огнем и под прямым обстрелом пулеметов и все же наши части шли вперед. Наибольшая активность нашего левого фланга привлекала на себя сосредоточение огня противника и этим лишила её возможности выполнить возложенную на нее задачу, но зато в 18 ч. частями Амурского полка была занята западная часть Волочаевки. Мосты исправлялись по мере продвижения. Ночью Амурскому полку все же пришлось оставить занятые позиции и отойти к западу от Волочаевки. Сводная бригада 11-го февраля приводит в порядок свои части, починяет мосты и подготовляет броневики № 8 и 9 для овладения Волочаевкой (прилож. схема № 2). С неприятельской стороны участвуют под Волочаевкой: Ижевско-Воткинская бригада, 8-й Камский полк, 4-й Уфимский полк, Уфимский кавалерийский полк, 1-й Егерский полк, Конный Егерский полк, Волжский пехполк, Сводный добровольческий полк, Воткинский Кавалерийский дивизион, Воткинская батарея, Сибирский Казачий полк, Инженерный дивизион, Добровольческий пех. полк, Омский пех. полк, Иркутский полк, Добровольческая батарея и три броневика, а всего около 3.000 чел. и около 12 орудий.

Забайкальская группа, заночевав в 10-ти верстах юго-восточнее дер. Улановка, вследствие утомленности, пройдя целиной 25 в. в 5 ч. 10 го февраля выступила на Верхне-Спасское. Троицкосавский Кавполк при поддержке артиллерии 10-го февраля перешел в наступление на Верхне-Спасское и дерется на юго-западной стороне, не доходя дер. Верхне-Спасское 100 сажен, авангард передовой колонны Забгруппы подошел на две версты с северо-западной стороны и развернулся для вступления в бой. В 10 часов 10-го февраля два баталиона первого стрелкового полка двинуты для смены

Троицкосавского полка. К этому времени 2 й стрелковый полк достиг протоки, что 2 версты юго-западнее Верхне-Спасского.

К 12 ти часам 10-го февраля части Забгруппы, а именно, 1-й Читинский стрелковый полк, повел наступление на Верхне Спасское. Противник оказал упорное сопротивление, встречая наши части ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем. Для усиления полка выслан баталион 2 го полка; в то же самое время обходная колонна в составе Читинского Кавдивизиона и одного эскадрона Троицкосавского полка вышла на дорогу Верхне-Спасское и Нижне Спасское, но, встреченная убийственным огнем с фронта и флангов, отступила. В 18 часов 1 й Стрелковый полк вступил в Верхне Спасское, но через час, накопившись на острове и пользуясь приведением наших частей в порядок, противник снова занял южную окраину поселка. Все попытки наших войск выбить противника из Верхне-Спасского не увенчались успехом, и он, поддерживаемый артиллерией, стоящей восточнее Верхне-Спасского, держался там до утра 11-го февраля, когда 2-й Читинский полк, выяснив группировку противника, выбил противника из Верхне Спасского. Неприятель отступил на Нижне Спасское. Обессиленная тяжелым боем наша кавалерия не могла преследовать противника и остановилась на отдых. Части противника, занимавшие Верхне-Спасское, были следующие: 1 й и 2-й Пластунские полки, 2-й Уральский полк, Особый Амурский отряд, Воткинский эскадрон, Сводная Забайкальская сотня и два орудия Сводно Артиллерийского дивизиона, все это под командой ген. Никитина, а всего около 1.000 человек при 2-х орудиях.

С утра 11 го февраля Забгруппа переходит в наступление на Нижне-Спасское и в 14 ч. обходом с северной стороны овладевает Нижне-Спасским. Противник отступает на Самарку. Читинский Кавдивизион преследует противника, 2 й батальон 1 го стрелкового полка остается в Верхне-Спасском, а вся Забгруппа остановилась на отдых в Нижне-Спасском.

10-го февраля части отряда Шевчука и Петрова-Тетерина завязывают бои под дер. Архангеловка.

Обходная колонна Карлова-Илькова к исходу 11-го февраля, пройдя через Михайло-Семеновское, заняла дер. Екатерино-Никольское, но потом начала обратное движение, видимо, не надеясь пройти на Облучье, для взрыва мостов и не найдя поддержки у казаков.

12 го февраля Главком решает взять Волочаевку, для этого отдает приказ, согласно которого Сводная бригада с рассветом 12 го февраля продолжает наступление на Волочаевку с юга, кроме того вводит 3 й Читинский полк и ввиду переутомленности Сводной бригады приказывает Забгруппе придти на помощь ей. Отряды Шевчука и Петрова Тетерина взявши Архангеловку, направляются на Дежневку. С рассветом Сводная бригада переходит

в наступление. Забгрупп выделяет Троицкосавский Кавполк с баталионом пехоты и двумя орудиями конно-горной батареи и направляет на Волочаевку; в то же самое время неприятель, боясь обхода со стороны Нижне-Спасское, еще ночью 12 го февраля направляет Поволжскую бригаду, как самую надежную, на Нижне-Спасское. Пройдя без дорог утомившись, он нарывается под Нижне-Спасском на нашу обходную колонну, разбивается ею и двигается обратно. В это время 3-й Читинский полк обошел уже с юга Волочаевку и отходящая Поволжская бригада нарывается на него. Смятый с двух сторон неприятель бежит вдоль жел. дороги и только, благодаря переутомлению лошадей Троицкосавского Кавполка остаткам его, удалось бежать. У Волочаевки в это время происходит следующее:

Сводная бригада, наносящая непосредственный удар противнику, занимавшему укрепленную станцию и дер. Волочаевку, состояла из 5, 6, Особого Амурского стелковых полков, 4-го Кавполка, Артдивизиона (14 орудий), двух партотрядов в районе дер. Архангеловка, броне-колонны из двух бронепоездов №№ 8 и 9 под командой Комбрига гр. Покус.

Стратегический резерв—3 й полк Читбригады при двух легких орудиях.

Позиция тянулась с севера на юг, от реки Тунгузки через гору Июнь-Карани, сопку того же названия, деревню и станцию Волочаевка и опушку леса, что в двух с половиной верстах южнее Волочаевки.

Общее руководство силами противника на Востфронте принадлежало ген. Молчанову, силами же укрепленного Волочаевского плацдарма командовал полковник Аргунов.

Комбриг Сводной решает нанести главный удар по левому флангу и тылу противника одновременной атакой с юга и юго-востока и демонстративными действиями на остальных участках укрепленного района.

Все части бригады к 12 февраля занимали следующие исходные положения: правая обходная колонна в составе одного баталиона и команда пеших разведчиков 6-го Стрелкового полка, одного эскадрона кавалерии Особого Амурского полка и двух орудий 2-й Читинской батареи в 3 ч. выступила для занятия своего исходного положения и обхода противника с тыла.

В 5 ч. 30 м. все части бригады заняли свои исходные положения, а именно: 3-й Стрелковый полк—северную опушку леса, что в двух верстах юго-восточней Волочаевки, 6-й полк левее третьего—опушку рощи, что в одной версте юго-западнее станции Волочаевка к югу от линии жел. дороги до левого фланга 3-го полка. Особый Амурский полк одним баталионом и командой пеших разведчиков при двух баталионах в резерве левее 6-го Стрелкового полка на север от линии жел. дороги восточную опушку леса, что в полутора верстах западнее дер. Волочаевка, причем пешая разведка этого полка занимала рощу, что в 700 шагах северо-запад-

нее станции Волочаевка, где и залегла. 5-й полк уступом и восточнее за левым флангом особого Амурского полка южную опушку рощи, что севернее и северо-западнее сопки Июнь-Карани. 4-й Кавполк на левом фланге за пятым стрелковым полком и в оперативном отношении был подчинен Комполка пятому. Партотряды Петрова-Тетерина и Шевчука, объединенные под общим командованием Петрова-Тетерина, из района Даниловка 11-го февраля отошли в район Архангеловка и в бою участия не принимали. Бронепоезда, не будучи своевременно снабженными водой и топливом, и за отсутствием водокачки вблизи станции Волочаевка, запоздали выходом на позицию на один час и вышли на последнюю линию лишь в 6 час. 12-го февраля, что послужило задержкой началу общей операции ровно на один час. Сигналом начала общего наступления было назначено три выстрела с бронепоезда № 8. Означенный сигнал был дан ровно в 7 часов 12-го февраля, после чего тотчас же началась артиллерийская подготовка, после которой все части перешли в наступление.

Противник оказывал упорное сопротивление.

Наши бронепоезда и артиллерия развили ураганный огонь по заранее данным им целям.

В 8 часов на участке 3-го полка завязался упорный артиллерийский, ружейный и пулеметный бой, который постепенно охватил всю линию фронта. Успешное продвижение наших частей задерживалось бронепоездами противника, занимавшими командное положение, в силу чего бой принял затяжной характер.

В 9 час. взводу 3-й Отдельной легкой батареи Комбригом было приказано сосредоточить огонь по бронепоезду противника, чем прикрыть исправление пути броне-поездом № 8, каковой и был исправлен к 9 ч. 35 м.

Из Штаба бригады (3 полуказарма) Главкомом непосредственно было приказано Комполка Пятому рискнуть одним орудием, выдвинув его вперед на открытую позицию и расстрелять бронепоезд противника в упор.

Бронепоезд № 8 под прикрытием бронепоезда № 9, где было дальнобойное орудие, 3-й легкой батареи и одного орудия участка пятого полка, сосредоточивши огонь по бронепоезду противника смело полным ходом пошел вперед, расстреливая на ходу бронепоезд противника, тесня последний со станции Волочаевка в восточном направлении. Как только бронепоезд противника был сбит с занимаемой им позиции у ст. Волочаевка, цепи наших полков смело атаковали противника на флангах.

Обходная колонна правого боевого участка, завязавши бой с отступающим из под Нижне-Спасского противником, преследуемым Троицкосавским Кавполком, разбила на голову противника, остатки которого панически бежали в направлении дер. Дежневка.

Эскадрон Особого Амурского полка, приданный сбходной колонне, вышел в тыл противнику на линию жел. дороги, зажег мост в тылу его бронепоезда, что около 6 верст восточнее Волочаевки и отошел к югу, так как бронепоезд противника быстро шел по горящему мосту, перескочив который остановился у него, открыл огонь по колонне и цепям 3 го Читинского полка, атаковавшим противника на своем участке (бронепоезд № 8, ведя огонь, исправляет жел. дорожный путь в двух верстах западнее Волочаевки).

Цепи Особого Амурского полка начали быстро продвигаться вперед. В то же самое время 3-й баталион 5 го стрелкового полка занял сопку Июнь-Карани, 2-й баталион того же полка вступает в Волочаевку. Артиллерия противника снялась с позиции и быстро начала уходить в направлении дер. Дежневка. Пехотные части противника, преследуемые нашими частями, отступают также по направлению дер. Дежневка и в 11 час. 32 м. как станция, так и дер. Волочаевка очищаются от противника и занимаются нашими частями.

До Опытного поля, что 7 верст восточнее ст. Волочаевка преследование противника вели: баталион 5-го полка, 6-й полк, баталион 3-го Читинского полка и Троицкосавский Кавполк. Остальные части закрепляли за собою Волочаевку. Батареи переменили позиции и приготовились на случай перехода противника в контр-атаку.

При штурме Волочаевки потери с нашей стороны выразились: убитых около 120 человек, раненых до 800 чел. и обмороженных около 200 чел.

Потери противника: убитых и зарубленных до 400 чел., раненых свыше 700 чел., разбито одно орудие на броне-поезде Каппелевец и поврежден паровоз бронепоезда невыясненного наименования.

В ы в о д ы: Волочаевка взята штурмом. Ключ к Хабаровску был взят.

Не оправдалось мнение генерала Молчанова, что совершенно безопастное направление по жел. дороге (Волочаевка) благодаря укреплению позиции сильным проволочным заграждением (из приказа Молчанова № 572—Приложение) генерал Молчанов говорил: „противник должен иметь для овладения городом Хабаровск не менее 10.000 бойцов". О значении Волочаевских позиций Молчанов говорит: (тот же приказ) „Вопрос нашего бытия требует полного напряжения сил". Но наш каждый солдат Волочаевской операции был герой. И это геройство не отрицает даже Командующий войсками противника полковник Аргунов, который сказал: Я бы дал каждому красному солдату этих полков по Георгиевскому кресту, так дралась только германская пехота.

(Подлинные слова полковника Аргунова, сказанные им в квартире жел. дорожного мастера на ст. Кругликово 14-го февраля 1922 года).

С утра 12 февраля Забайкальская группа пускает усиленную разведку на Владимирку-Самарку, на полпути встречается с противником 250-300 штыков, завязывается бой, подкрепленная частями Читинской бригады, разведка отбрасывает неприятеля. Но ввиду утомленности частей Читинской бригады, Забайкальская группа 12-го февраля остается в Нижне-Спасском. К 5 часам 13 февраля туда же прибывает 3 й Читинский полк, 2-я батарея и Троицкосавский Кавполк. 13 го февраля Дежневка занята Сводной бригадой, мосты исправляются, бронепоезд № 8 стоит восточнее Волочаевки, бронепоезд № 9 в Волочаевке.

Отряд Карлова-Илькова на обратном пути, идя все время по Китайской стороне, выходит только ночевать на Русскую сторону, 13-го февраля он занимает поселок Головинский. Для противодействия ему тов. Бороздину приказано собрать свои части в район Надеждинская и не давая ему выйти к жел. дороге оттеснять на Китайскую сторону. ни под каким видом не теряя с ним соприкосновения. Тов. Фаддеву—Начальнику района Тихонькая, собрав маршевые команды ст. Бира, Тихонькая, Ин, спешно на поездах перебросится в район Ольгохта, а оттуда на Нижне-Спасское для противодействия захвата этой деревни. На линии жел. дороги Тихонькая, Ин, бронепоезду №, 2 разделенному на две части, охранять железную дорогу. Отряд Карлова Илькова, переночевав в Луговой, уходит от поселка Забеловский к Китайскому городу Суйду, ночует там в сопках и только через несколько дней, когда наши части уже ушли на ст. Дормидонтовка, ночует в поселке Невельский и затем, пройдя по Китайской стороне, оказывается под Бикиным.

Противник, сбитый 12 го февраля с своих укрепленных позиций, 13 го февраля отходит с занимаемых им рубежей, но оказывает самое отчаянное сопротивленне, задерживаясь при всякой возможности. Он отходит в полном порядке и полный решимости драться, умереть, но не сдаваться. В 12 часов 13-го февраля Покровка взята нами без боя.

13 го февраля Главком приказывает: Сводной бригаде взять Владимировку, Самарку, куда отступили главные силы противника и привлечь на себя их внимание, чтобы дать возможность Забгруппе выйти на Казакевичево—Верино, для захвата живой силы противника, 5-му Стрелковому занять Хабаровск и оставаться там гарнизоном, Особому Амурскому полку и 4-му Кавполку от Владимировки через Самарку-Орловку выйти на Ново-Троицкое, сбив противника на Николо-Александровское наступать на Казакевичево, 6-му стрелковому полку и отряду Петрова-Тетерина наступать через Владимировку на Николо-Александровское и далее по жел. дороге. Забгруппе днем того же 13 февраля выступить на Казакевичево—Верино. Троицкосавскому же полку приказывается выйти в 24 часа в виду его крайнего переутомления.

14-го февраля все задания нашими частями приводятся в жизнь. Части неприятеля главными силами отступают на Николо-Александровское — Корфовское-Верино. От Ново-Троицкого отделяется группа противника в составе Ижевско-Воткинской бригады и движется на Казакевичево. Забгруппа в это время (ночью 14 го февраля) окружает со всех сторон Казакевичево и с боем, несмотря на переутомление, тяжелым переходом занимает его.

Ижевско Воткинская бригала попадает между Забгруппой и преследующими ее Амурским и 4-м Кавполком. Части противника, находившиеся в Казакевичево, рассеиваются по реке Уссури, в промежутки наступающих наших частей, частью на Китайскую сторону под прикрыте китайцев, частью же в сопки.

15-го февраля картина такова: противник, потеряв с отходом из Николо-Александровского и Казакевичево последние позиции, удобные для прикрытия его отступления, поспешно отходит на юг, разделившись на две группы: первая более многочисленная группа отходит по линии Уссурийской жел. дороги, стараясь скрыться за Иман. Вторая меньшая группа, оставив Казакевичево, отходит по линии реки Уссури.

Войска Востфронта выдвинулись на линию Николо-Александровскую-Ново-Троицкую-Казакевичево.

Главком ставит задачей: войскам Востфронта общим энергичным преследованием отступающего противника и срочным выдвижением Забгруппы на линию Венюково-Котиково отрезать путь отступления противника, уничтожая его живые и технические силы. Для этого:

А) частям Забгруппы энергичным наступлением по реке Уссури выйти на линию Венюково-Котиково и отрезать путь отступления противника, уничтожая его живую и техническую силу.

Б) Особый Амурский полк и 4-й Кавполк, объединенный под командованием Комполка Амурского, оставить на сутки в районе Казакевичево для обеспечивания тыла Забгруппы и для захвата отдельных групп противника и ликвидации отряда полковника Карлова-Илькова, двигающегося из района Петровский в Суиду-Гольды, а затем присоединиться к Забгруппе,

В 5 й полк в Хабаровск—гарнизоном.

Г) Остальным частям Сводной бригады (6 Стрелковый полк и отряды Петрова-Тетерина и Шевчука) преследовать противника по линии жел. дороги, стараясь боями задерживать отход его на юг для обеспечения выхода Забгруппы в район Венюково-Котиково ранее прибытия туда отступающего противника.

Д). Частям групп выбрасывать в тыл отступающего по жел. дороге противника небольшие отряды с подрывными командами для подрыва жел. дорожн. пути.

Противник, сбитый с позиции Корфовское-Казакевичево, несмотря на упорное сопротивление на каждом рубеже, не мог уже сдержать стремительного наступления наших частей. Ему удалось только портить мосты и жел. дорогу.

Наши части не успевали, не смотря на большие переходы, перехватить отступающего противника.

17-го февраля нашими частями взята с боями станция Дормидонтовка, 19-го февраля—станция Котиково и 21 февраля—станция Розенгардовка.

Неприятель отступил, видимо намереваясь дать нам сильный отпор на Бикинских позициях, где по агентурным данным возводились укрепления.

Так окончился второй и собственно последний период борьбы с меркуловцами.

Дальше следовала задержка на сильно укрепленных Бикинских позициях, но народоармейцев не могли остановить ни огонь неприятеля, ни проволочные заграждения и неприятель пошел все разрушая на пути на юг под прикрытие японцев.

В ы в о д ы: Мы победили потому, что у нас в борьбе преобладал моральный элемент.

П. Луцков.

Приложение № 1

Копия

Срочно Секретно.

Начотрядов 1, 2, 3, 4, 5, Генералам Никитину и Вишневскому

Полковнику Черкес

Полковнику Бабикову

Подполковнику Березину.

По всем данным противник в ближайшие дни поведет наступление.

Самое уязвимое место для нас—Тунгузское, через Архангельское—Ново-Николаевка, Покровка.

Совершенно безопасное направление по желдороге, благодаря укреплению позиции сильными проволочными заграждениями.

На Амурское направление, повидимому, будет брошена кавалерия.

После осмотра расположения частей на желдорожном и Амурском направлениях я уверен, что противник должен иметь для овладения городом Хабаровском не менее 10 000 бойцов, но для успеха нашего нам необходима как никогда стойкость, дабы, сидя за проволокой, нанести противнику наибольшие потери и выбрав удобный момент, перейти в контр-атаку и на плечах противника продвинуться те 100 верст, которые нам необходимы для нашего закрепления в районе Хабаровска.

Вопрос самого нашего бытия требует полного напряжения всех сил для достижения победы. Побеждает тот, кто страстно желает этого. С победой мы живем, неудача может лишить нас самого бытия, как антибольшевистской организации.

К Вам, старшие Начальники, я обращаюсь с призывом вдунуть в сердца подчиненных страстный дух победы.

Надо переговорить со всеми и наэлектризировать каждого.

Если Вы займетесь этим немедленно и будете так поступать всегда, боеспособность наших маленьких частей увеличится в несколько раз. Учтите психологию каждого воина.

Я убежден, что мы еще можем нанести такое поражение противнику, что ему долго не придти в себя.

Победа в нас Начальниках. Победа нужна и должна быть.

Строгий расчет во всем, в каждой мелочи.

Не покладая рук закрепляйтесь, но этого мало, внедрите всем, что проволоку бросить ни в коем случае нельзя.

Каждый воин должен знать, что этот бой будет решительным, и мы должны выйти победителями.

Обратить особое внимание на правильное и своевременное использование огня пулеметов и артиллерии.

Не забудьте про ручные гранаты, их тоже нужно использовать.

Относитесь к моим словам с вниманием и не теряйте времени: говорите с подчиненными не только с офицерами, но и солдатами, помня, что не каждый офицер передаст так, как нужно.

Только при выполнении условия, что „каждый воин должен понимать свой маневр“, можно быть уверенным в успехе.

Я отмечаю титаническую работу, произведенную Полковником Аргуновым и чинами 2, 4 и 5 отрядов, но благодарить за это—не мне, этого было бы слишком мало. Сознание исполненного долга выше всякой похвалы.

5 февраля 1922 года 10 час. 4 мин. № 572 г. Хабаровск.

Подлин. подписал: Генерал-Майор Молчанов.

С подлинным верно: Начальник Штаба, Генерального Штаба, Полковник Ловцович.

С копией верно:

Начальник Полевого Штаба Главкома.

Несколько слов о причинах нашего успеха.

(Из фронтовых впечатлений).

После того, как переход от отступления к победоносному наступлению частей Народно-Революционной Армии стал уже фактом и, наоборот, белоповстанческая армия от торжественного шествия вперед перешла к быстрому откату назад, является возможным сделать попытку определить те причины, в силу которых совершился такой перелом.

Первоначальный успех белоповстанческой армии, помимо неподготовленности частей НРА к боевым действиям и малочисленности ее передовых частей, объясняется, главным образом, еще тем, что к началу своего наступательного движения белая армия в массе своей была подготовлена не только технически, но и духовно. В частях была проведена усиленная агитация, которая пробудила в белых рядах горячий взрыв чувства, имеющего в своей основе искренние национальные стремления.

Белокомандование искуссно обрабатывало своих солдат, проповедывая им необходимость освобождения порабощенной коммунистами России и призывая их спасти родину героической, самоотверженной борьбой.

Почти вся масса солдат повстанческой армии состояла из остатков всякого рода белых армий, которые под несокрушимым давлением революционной волны докатилась в разное время до Владивостока, где и влачили жалкое существование, даже без надежды когда нибудь снова попасть к себе домой—в Россию.

Выбитые из колеи вздорными слухами о зверствующей, кровавой совдепии, слухами, которые усиленно распространяло белокомандование, обрабатывая по своему серую солдатскую массу, все эти, в большинстве случайные изгнанники, будучи сами из России: с Волги, Камы и Урала, тосковали по России, не смея даже надеяться на то, что когда нибудь они вернутся к своему дому.

Усиленно проведенная белокомандованием агитация о новом освободительном движении, имеющем целью изгнать коммунистов из России, упа-

ла на благодарную почву, так как сулила этим изгнанникам возможность вернуться домой.

Много красивых слов было брошено запродавшим Россию белокомандованием, (об этом ярко говорят их листовки, газеты и воззвания) и „пушечное мясо“—„серая скотинка“ была обработана.

Белые солдаты поверили в искренность новоявленных героев Молчанова и К-о, которые говорили им:—„Мы смертники. Наша награда—деревянный крест. Мы никакой награды за служение родине не предлагаем и сами не ждем. Мы не хотим жить без России, умираем за нее и будем умирать, пока Она, многострадальная не воскреснет“. Поверили и пошли.

Сплоченность белоповстанческой армии была очень большая и действительно прав был Молчанов, когда говорил в своем обращении, что „для защиты освобожденного края у них есть небольшая, но сплоченная армия повстанцев“.

На основах этого национального чувства, тоскующих по дому людей, ловкие коммерсанты, торгующие родиной, совестью и чувствами, и построили свой первоначальный успех.

Громадным энтузиазмом, беспредельной самоотверженностью ответила Народно-Революционная Армия на эту предательскую вылазку наймитов японского капитала, которые вели на смерть обманутых ими, наивных, не имеющих выхода людей.

Основным элементом успеха Народно Революционной Армии была сознательная революционность ее бойцов.

Народно-Революционная Армия, в подавляющем большинстве состоя из крестьян и рабочих, является Армией классовой.

Период интервенции, гражданской войны научил наших крестьян разбираться, кто его друзья и кто враги, а потому „объективные“ герои нового освободительного движения и все белоповстанческое движение в целом были очень скоро и верно оценены по заслугам.

Сознательно революционный элемент Народно-Революционной Армии ясно понял, что вновь настало время самой беспощадной борьбы за достижение трудового народа с хитрым, бесчестным лицемерным врагом, поддержанным японским золотом, и бойцы—революционеры со всей страстностью, рожденной их беспредельными муками, перенесенными в борьбе с врагами их свободы, ринулись в бой.

Но и чуждый революционному порыву элемент НРА и даже нереволюционная часть комсостава также не остались равнодушными к происходящим событиям и с неменьшей страстностью вступили в бой.

Причиной этому, главным образом, явилось то, что чуждые революционным порывам, они таили в душе национальные идеи и, ясно видя, что

на основах этих национальных идей, продавшие свою совесть люди, хотят построить успех своего грязного дела, они сочли себя обязанными высоко поднять оружие и ударить японских наймитов, продающих Россию по частям.

Им было ясно все. Никакие идеи, никакие знамена не могли скрыть истинного значения событий, происходивших на Дальнем Востоке. Они видели, что там Япония стремится занять берега Тихого океана, которые ей нужны, как позиция для борьбы с Россией в будущем, и понимали, что, не желая теперь начинать открытую войну с русскими, Япония хочет сделать это при помощи меркуловских авантюристов.

Им было ясно и то, что белоповстанцы делают анти-русское, анти-национальное дело, участвуют в продаже Российского достояния, Русского Дальнего Востока, способствуют закреплению настоящего и будущего врага России, тормозят признание Русского Государства и, наконец, усиливают тот ужас голода и смерти, который царит во всем родном Поволжьи.

И, таким образом, единым порывом остановить и уничтожить врага была охвачена вся Народно-Революционная Армия, и все бойцы и весь Комсостав, плотно ставши в единый, несокрушимый ряд, нанесли противнику смертельный удар, отбросив его на Восток.

Пробуждением этого единого порыва и объясняется тот громадный успех, который венчал беспримерную самоотверженность Народно-Революционной Армии.

Белоповстанческая Армия после этого удара была сломлена в своем порыве и начала разлагаться: те, которые слепо поверив своим вождям, шли на смерть, поняли, что их обманывают.

Это разложение есть ничто иное, как логическое следствие создавшейся обстановки. Нравственные силы Армии, в особенности в период гражданской войны определяются нравственной силой всего народа, героическая воля которого придает силу и беспредельную доблесть боевым рядам.

Если в начале своего движения белые части могли слепо верить в то, что они являются действительными защитниками интересов русского населения, то крайняя сдержанность крестьян и казаков Уссурийского края, проявленная ими по отношению к белоповстанцам после первых успехов белых и после занятия Хабаровска, ясно показала, что между белыми и населением занимаемых районов нет общности задач и интересов, нет необходимого для дальнейшего развития успеха духовного единения. В своем приказе от 5 февраля с. г. за № 572 генерал Молчанов: сказал „Вопрос самого нашего бытия требует полного напряжения всех сил для достижения победы. Побеждает тот, кто страстно желает этого. С победой мы живем, неудача может лишить нас самого бытия, как анти-большевитской организации“. И действительно, пророческими оказались его слова.

Прекрасно учтя все, белоповстанческое командование упустило учесть самое главное, это то, что желание победы и необходимое для нее напряжение их армия могла почерпнуть не из приказов, а только от населения, которое своей поддержкой подтверждало бы действительную желательность для населения этого белоповстанческого „освободительного движения".

Равнодушие населения к белым было ярким доказательством того, что белоповстанческое движение является вымученным, искусственным, ненужным и совершенно лишенным того идейного значения, которое с таким старанием приписывало ему белое командование.

Это равнодушие таило в себе гибель „белоповстанческого движения и действительно лишало его „самого бытия, как анти большевитской организации".

Таковая оценка населения белоповстанческого движения естественно не могла не оказать гибельного влияния на боевой порыв боевых частей.

Письмо Главкома тов. Блюхер к генералу Молчанову, посланное перед Волочаевским боем и, как потом подтвердилось показаниями пленных, полученное Молчановым, но оставленное им без ответа, сыграло не малую роль в исцелении белых солдат от их слепоты. Ген. Молчанов, как наймит Японии, не мог ответить на письмо, а факт, что письмо было оставлено без ответа не мог не открыть глаза белоповстанцам, что их вожди ведут их не ради национальных идей, а преследуют другую, скрытую от них цель.

И разложение началось. Усиленная агитация политработников НРА, перебрасывающих свои листовки в ряды белоповстанцев, помогала этому разложению. Будучи на фронте, я слышал от населения оставленных противником деревень, что белые, уходя ссорились, упрекая старших в измене делу национального возрождения.

Это говорит за то, что там началась поверка чистоты идеи у высоких руководителей.

Второе письмо тов. Блюхер к генералу Молчанову, посланное после занятия частями Народно-Революционной Армии Хабаровска, должно уничтожить у белых солдат все сомнения. Скрыть письмо генералу Молчанову не удастся. О нем уже знает жаждущий правды солдат и придет час, когда он потребует от продажных генералов ответа, почему эти письма, дающие им возможность вернуться „домой и совершенно уничтожающие весь смысл их борьбы, остались без ответа. Усиление агитации политработников НРА, направленной к объяснению белоповстанцам действительных целей их руководителей, должно помочь скорейшему наступлению этого часа.

А. П.

Десять часов в стане белых.

(Последняя попытка человеческого к ним подхода).

В 18 часов 23 февраля 22 года, согласно приказания Главкома, с письмами к ген. Молчанову, в сопровождении помком полка 1 читбригады и вестовым, я выехал на неприятельскую заставу. Посланный предварительно передовой с белым флагом был задержан в виду недостаточности формальных документов, как после мне пояснили. У заставы неприятеля, что вверх южнее ст. Розенгартовка, нас встретили ротмистр 1 кавполка поволжской бригады с 5-ю сопровождающими солдатами. От лица белокомандования он заверил нас в полной безопасности. На мой вопрос, где я могу выполнить возложенные на меня поручения, т. е. передачу писем и переговоры, мне было заявлено, что—недалеко отсюда: часа два верховой езды.

Через полчаса мы перегнали отступавший по линии 1 кавполк неприятеля, причем нам завязывались глаза.

С нашим отъездом была снята застава и началась порча пути и телеграфного сообщения. Днем того же числа нашими частями было занято Лончаково, что по Уссури на фланге.

Всю дорогу до 2 полуказармы я вел беседу с ротмистром и сопровождающими солдатами. Их очень интересовали основные вопросы жизни в Совроссии и ДВР.

Основной вопрос—расстреливают ли у нас? Как построена наша армия, как Советская?

Информировал своих спутников достаточно полно. Нужно заметить, что очень заинтересовались. Подействовали, видимо, сильно мои рассказы о продналоге, о новой экономической и общественно-политической линии. Интересовались и нашей красной армией, о чем я их подробно информировал. Говорил о коммунизме и наших задачах, идеалах. Ротмистру очень хотелось, оказывается, видеть живого настоящего коммуниста и поговорить с ним. Пояснил ему, что в нашей армии сейчас нет такого особого деления в смысле идеологии. Все боремся за одно и почти одинаково мыслим. Беседа

носила характер чрезвычайно откровенный, и я опасался провокации, но все же, в достаточно мягкой форме сумел рассказать все, что нужно, по основным вопросам.

Об'яснил им подробно, зачем и почему я пришел. Отнеслись определенно и сочувственно и с моими доводами о нелепости войны друг против друга за один и тот же лозунг „защита и сохранение России“ согласились, хотя и не вполне уверенно.

Не совсем верят, что их пощадят и примут в нашу армию, несмотря на все мои логические доводы и указание на ряд колчаковских офицеров, служащих сейчас у нас. Запуганы очень сильно и до верху переполнены нагло-лживой информацией своих газет. Согласились со мной о возможной неправдоподобности многих сведений, печатаемых в их газетах.

Должен отметить, что ротмистром с сопровождающими солдатами по отношению к нам было проявлено колоссальное количество вежливости и учтивости.

К большинству из этого, что я сообщил, отнеслись с видимым доверием. Нашей миссии очень сочувствовали и хотели положительных результатов.

В штабе полка 1 кавалерийского мне удалось побеседовать по ряду тех же вопросов с группой офицеров 20—30 человек, среди которых было 4—5 полковников, 1—2 солдата. Командиром полка, который официально запросил цель моего приезда, был передан мне ответ Молчанова на наш приезд, т. е. что разговаривать он не желает, а „если де они хотят—пусть сдаются, будет пощада“.

Я переспросил—кому собственно предлагают сдаться: нам двум безоружным людям, или нашей Народно-Революционной армии? Полковник не нашелся, что ответить, и стал говорить по телефону,—очевидно, с Молчановым.

Приняв под расписку от нас письма, полковник спросил: „не имею ли я к нему вопросов“, на что я ответил, что как представитель Нарревармии могу иметь беседу только с главным командованием или с Молчановым.

После переговоров по телефону, мне было предложено следовать дальше (верст шесть), где я всетаки смогу выполнить возложенные на меня поручения.

После часового пути верхом и новой беседы с сопровождающими, я был проведен в Штаб бригады (кажется, Поволжской), которая находилась на разъезде Бейцухе, верст 20 южнее Розенгартовки. Мои спутники были оставлены рядом в большой комнате.

В штабе бригады меня приняли два полковника. Первый из них—помощник Карпова-Илькова, а другой кажется, сам Ильков. Почему то резко изменили тон и в очень сухой и официальной форме задали ряд вопросов о

цели и задачах моего приезда. Так же официально им рассказал об этом. Второй полковник (Ильков) взял у комполка пакеты и вышел в соседнюю комнату, где слышен был разговор по телефону, опять повидимому, с Молчановым.

С помощником Илькова и окружающими полковниками (4) и капитанами (человек 7), а также с другими снова завязался разговор. Очень хвалили нашу армию. Отметили волочаевский бой, как героическое и интересное событие в отношении общей нашей политики. Пытались мне доказать, что вот мы красные такие звери и нехорошие, а они белые уж очень хорошие и добрые. Я со своей стороны пытался доказать то же самое, только наоборот.

Узнав, что я просветработник, очень удивились тому, что в нашей армии может быть какая-то культурная работа. Полковник даже удивился, как это я, „культурный человек“, а могу быть в „этой красной армии“. Я, в свою очередь, тоже удивился, как это он, полковник—культурный человек, а идет против нас, да еще за „такое дело“.

В один голос хвалят нашу агитационную работу (отмечали даже несколько раз.) Нам, говорят, до вас далеко в этом отношении. Многое в наших победах приписывают как раз этому. Поразило чрезвычайное невежество в отношении представления о смысле совершающихся событий в России и в ДВР. Полковник читал мне обрывки из „письма матери“, напечатанного на одной стороне листа на машинке. Письмо составлено каким то досужим лгуном, и вообще их представление обо всем, что происходит, до наглости и до смешного нелепо и наивно. На ряде примеров я логически доказывал неправильность и нелепость такого подхода к совершающимся событиям. С полковником мы даже о Карле Марксе и коммунизме поспорили.

Из практических вопросов я особенно упирал на изменение тактики Совроссии и ДВР. Указывая на то, что если прежде могли быть резкие разногласия с Соввластью, то теперь их не может быть, так как все строится на основах демократизма, и—особенно в нашей республике. Могу отметить, что на все, что я говорил, ни одного фактического возражения не было, кроме того, что уж поздно хватились и т. д. Ко многому отнеслись (особенно низший офицерский состав) безусловно доверчиво.

Письма, переданные полковнику (Илькову), были при нас вручены какому-то поручику для немедленной отправки их. Нам предложили подождать ответа и перейти на другую квартиру. Квартирой оказался броневик „Воложанин“, который рядом с „Дм. Донским“ стоял здесь же на разъезде. Глаз почему то не завязывали, и я мог все прекрасно видеть, благо и ночь была светлая. На броневике нас возили часа три или четыре, повидимому,

даже до Бикина, где, наверное, был Молчанов и откуда уехал дальше, так как нас опять таки не приняли.

В продолжении пути нас поили чаем и мы снова беседовали с офицерами и солдатами бронепоезда. Состав приблизительно таков: капитанов 2, поручиков 10—15, прапорщик 1, солдат 4—5 человек. Беседа снова носила очень непринужденный характер, причем по всем основным вопросам я снова имел возможность осветить нашу политику.

Из всего состава служащих только командир бронепоезда да два поручика юнца, видно из семеновцев, отнеслись сдержанно и с затаенной злобой. Разговоры были все больше „военные“. Очень хвалили они нашу артиллерию, только, мол, плохое наблюдение. Рассказывали, как несколько раз снаряд попадал удачно, но из-за отсутствия наблюдения наши меняли прицел и броневик спасался только тем, что не трогался с места.

Очень были удивлены и не могли понять, как это наша армия, плохо одетая, плохо накормленная, а наступает. Я объяснил это ясным сознанием, за что и против кого она борется. Один поручик неожиданно проговорился об общем упадке нравов и об озверении: да,говорит,что так, но ведь на нас же надели стальную узду и ничего, держимся! Я указал, что узда вещь очень ненадежная и что она может сняться. Несколько раз командир бронепоезда, капитан с георгиевской лентой на рукаве, переводил разговор на воспоминания о том, как в третьем году там-то красные изрубили в котлету парламентеров, а там-то такое зверство учинили и т. д. Я возражал и вспоминал обратные явления, когда белые зверствовали. Несмотря на желание показать себя передо мной как можно воинственней, все таки все время в тоне и лицах чувствовались усталость и желание кончить эту „волынку“, и несколько поручиков об этом откровенно говорили.

Ответа Молчанова ждали с нетерпением и, когда командир бронепоезда мне снова заявил, что письменного ответа не будет, а устный тот, что с нами говорить он не хочет и что если у красных проснулось раскаяние, то пусть они переходят, будет пощада всем,—то этот ответ был принят с большим разочарованием и досадой окружающими офицерами.

После получения ответа, нас с завязанными глазами вывели из бронепоезда, посадили на наших лошадей и с завязанными глазами провезли верст пять, после чего сопровождающие солдаты нас оставили, и проехав верст 12 между расположением наших частей и частей противника, мы в 4 часа 24 февраля прибыли на нашу заставу, которая была там же, где мы ее оставили.

Таким образом, в стане белых я провел 10 часов. Полагаю, что если закончилась неудачей наша попытка переговоров, то вторая часть задачи—подействовать на сознание офицерства и солдат—была выполнена. Самый

факт приезда парламентеров от наступающей армии красных, еще более наши беседы, содержание которых очень быстро, конечно, будет известно всей белой армии,—все это сыграет роль в деле перелома сознания в пользу доверия к нам, а с другой стороны должно обострить отношение „низшего“ состава к высшему. Совершенно ясно, что низший офицерский состав, и еще более солдаты, хотят кончить всю эту ненужную историю, и отказ высшего командования от переговоров вызовет в их среде определенное недовольство. Проезжая все деревни по линии ж. д, мы широко оглашали среди народоармейцев и крестьян факт нашего желания прекратить кровопролитную и разрушительную войну на благо японского кармана и нежелания командования „белоповстанцев“ идти к нам на встречу. Крестьяне, говорившие со мной, чрезвычайно сочувственно относились к нашему шагу.

Павел Подервянский.

2 марта 1922 года.

ВЕРОЛОМСТВО ЯПОНЦЕВ.

События, происшедшие на Восточном фронте в последних числах марта месяца и в первых числах апреля, являются в высшей степени характерными и объясняются той сложной политической обстановкой, которая явилась результатом пребывания японских войск в Приморье.

Разбитый под Волочаевкой и позднее под Бикином противник, на половину деморализованный, начал отход к югу. Наши части, быстро продвигаясь, следовали по стопам отступающего противника до Имана. Подход частей НРА к Иману вынудил наши части, в их дальнейшем продвижении на юг, принять целый ряд предосторожностей, направленных к устранению могущих быть конфликтов с находившимися южнее Имана японскими войсками, к столкновению с которыми наша армия не могла и не хотела стремиться.

Однако, по совершенно неизвестным соображениям, японское командование, с отходом частей белоповстанческой армии к Уссури, продолжало также отвод и своих передовых частей к югу, примерно в район Спасска. При том были случаи, когда арьергарды отступающих белоповстанцев перемешивались с отводимыми незначительными частями японской армии. Так продолжалось до района ст. Свиягино. Отход японских частей на указанный рубеж дал возможность остаткам белоповстанческой армии Молчанова почти безнаказанно отойти в долину реки Даубихе, минуя, таким образом, так называемую 30-ти верстную уссурийскую зону влияния японских войск. Последний факт, повидимому, был допущен японцами с целью дать возможность разбитым белоповстанцам отойти вооруженными безнаказанно к югу, минуя пресловутую полосу влияния японских войск. Наши же части, несмотря на полную возможность настигнуть отступающих белоповстанцев, считаясь, однако, с возможностью столкновения с японскими частями, продолжали свое преследование весьма медленно, избегая тем возможности встречи с японскими войсками, отходящими к югу.

Это дало возможность главному ядру генерала Молчанова отвести свои банды до долины реки Даубихе на Яковлевку, минуя 30-ти верстную зону влияния японских частей.

Наши части, продолжая медленно продвигаться, 25 марта заняли ст. Шмаковку, откуда, выделив авангард, продолжали, соблюдая предусмотрительность в отношении японских частей, движение по желдороге на юг, преследуя небольшие группы отступающих мятежников. 30 марта наш авангард занял дер. Анненскую, откуда незначительный отряд белоповстанцев был вытеснен и отошел в сторону Спасска. 1 апреля передовыми частями нашего авангарда была занята Константиновка. 2 апреля утром командование Восточного фронта, отправив в Спасское уполномоченного тов. Лебедева к японскому командованию с просьбой не препятствовать нашему продвижению на юг, препроводило с ним заявление в письменной форме нижеследующего содержания:

ЗАЯВЛЕНИЕ КОМАНДОВАНИЯ НРА.

„Настоящим я уполномочен командованием Восточного фронта заявить командованию Императорской Японской армии, что 3 апреля на ст. Евгеньевка и в гор. Спасск вводятся войска НРА из состава частей НРА, преследующих отступающих мятежников, именующих себя белоповстанцами. Вход войск в указанные пункты и дальнейшее их продвижение в южное Приморье имеет целью исключительно ликвидацию вооруженного мятежа, руководимого из Владивостока, именующей себя „временным приамурским правительством" группой узурпаторов народной воли против народом избранного правительства ДВР, при этом заявляю, что движение войск НРА, ни в какой степени не является направленным против Императорских Японских войск, временно находящихся на территории русского Дальнего Востока".

(Подпись).

В 9 часов 20 минут тов. Лебедев с конвоем отправился на сторону японцев. Через незначительный промежуток времени наш отряд выступил из Анненское и, выйдя в район Бусьевки, выслал в с. Хвалынка парламентера с предупреждением старшего войскового начальника японских войск, занимавших Хвалынку, что наш авангард имеет задание занять с. Хвалынка и что продвижение частей НРА отнюдь не следует рассматривать, как акт, направленный против японских частей. На это наш парламентер получил требование в течение 30 ти минутного срока разоружиться и сдать оружие.

Вслед за этим японские части, совершенно неожиданно для нашего авангарда, развернувшись в боевой порядок, перешли в наступление на Бусьевку и открыли по расположенному в районе ее нашему отряду сильный ружейный, пулеметный и артиллерийский огонь. Не смотря на это, наш

авангард, соблюдая спокойствие, вторично высылает парламентеров к наступающим японским частям с заявлением, что вопрос нашего продвижения выясняется в Спасске нашим уполномоченным, рано утро проследовавшим к начгару Спасска, при чем еще раз подтвердил, что, имея указания от своего командования не вступать в бой с японскими частями, он, избегая столкновения, покидает дер. Бусьевку и просит прекратить ненужный огонь. Однако, не смотря на это, японцы продолжали свое наступление, не уменьшая интенсивности своего огня, одновременно стремясь окружить наш авангард.

Считаясь с чувством справедливого возмущения бойцов нашего авангарда, командование фронта, желая, тем не менее, избежать вооруженного столкновения с японскими частями, приказало авангарду отойти спокойно, не открывая огня, в дер. Константиновку (что в 6 верстах севернее Бусьевки), после чего авангард под все еще продолжающимся обстрелом японских частей спокойно, без единого выстрела начал отход на Константиновку. Во время этого отхода наш отряд понес свыше 30 раненых и убитых.

Одновременно с этим, начавший отход к северу наш бронепоезд, находившейся в одной версте севернее реки Адарки, также имел тяжело раненым помощника начальника штаба *** бригады тов. Васильева, вскоре умершего.

Так при вполне законном стремлении наших частей преследовать отступающих мятежников, были использованы все средства, дабы избежать ненужного столкновения с японскими частями, при чем даже отходившие под огнем наши части, имея потери, продолжали соблюдать полное спокойствие.

К вечеру того же дня вернувшийся из Спасска наш уполномоченный тов. Лебедев сообщил:

В 12 часов, прибыв в Спасское, я просил начгара Спасское ген. Аки принять меня для вручения ему нашего заявления и для переговоров. Ген. Аки лично принять меня отказался, поручив выслушать заявление генштаба майору Ешкара. Я, зачитав заявление командования Восфронта, еще раз устно заявил, что цель нашего движения ни в коей мере не направлена против японских войск и нами руководит лишь желание достигнуть полной ликвидации вооруженного мятежа, поднятого так называемыми белоповстанцами. Вскоре майор Ешкара от имени ген. Аки заявил, что они имеют приказ главного командования соблюдать договор, заключенный в 1920 году. На мой вопрос, как будут реагировать японские войска на занятие нами указанных в заявлении пунктов, майор Ешкара ответил, что это определить невозможно. Необходимо заметить, что в это время события под Бусьевкой уже начинали развертываться.

В 15 часов наш уполномоченный тов. Лебедев отбыл из Спасска к авангарду, куда и прибыл к вечеру. Далее т. Лебедев сообщил, что окружавшая его обстановка в японском штабе не была дружелюбной: на улицах в Спасске с ним обращались в высшей степени грубо, перед толпой Спасских обывателей, но едва перешагнули в штаб, как стали хитро-любезны. Такое обращение, как дерганье за рукав японским военным, имеющим нашивки командира батальона, выдержка в грязи, среди улицы пред японским штабом в течении 30 минут—не может быть допущено в отношении парламентера ни в одной культурной стране.

В связи с указанными событиями японскому правительству направлен следующий запрос.

НОТА Д. В. Р. ЯПОНИИ.

Министру Иностранных Дел Японского Императорского Правительства.

Правительство Дальне-Восточной Республики неоднократно заявляло свой протест против поддержки Японским Императорским Правительством и Командованием японской императорской армии русских мятежных вооруженных отрядов в Приморьи, борющихся против установленной народом законной власти Дальне-Восточной Республики.

В ноте от 2 го марта правительством Дальне-Восточной Республики сообщено министру иностранных дел японского императорского правительства о целом ряде случаев, свидетельствующих о помощи, оказанной в конце прошлого года японским командованием русским мятежным отрядам, двигавшимся, под названием „белоповстанцев", из Никольска и других пунктов по Уссурийской дороге на север для борьбы с Народно-Революционной Армией. Несмотря на эту помощь, оказываемую японским командованием, русские отряды белоповстанцев были в короткое время разбиты и стали отходить на юг, преследуемые вплотную частями Народно-Революцион. Армии.

Командование японской императорской армии неоднократно заявляло, что эти вооруженные отряды русских мятежных контр-революционеров будут обезоружены, как только они дойдут до расположения японских войск. Но эти заявления не были осуществлены. Когда выяснилась полная безнадежность дальнейшего сопротивления, русские контр-революцион. мятежные отряды в полном вооружении со станции Иман направились на юг, как по трактовой дороге вдоль железной дороги, так и по железной дороге в эшелонах, на глазах у наступающих частей Народно-Революционной Армии эти отряды в полном же вооружении перешли и реку Уссури, и через станцию Уссури, Шмаковку и Свиягино продвинулись на юг. Несмотря на то, что эти станции находились в районе расположения японских войск, отряды русских мятежников разоружены не были. Часть этих отрядов была в полном вооружении настигнута Народно-Революционной Армией и в деревнях Яков-

левка и Анучино, где оказались отряды генерала Блохина и генерала Смолина, сражавшиеся раньше против Народно-Революционной Армии под Хабаровском и отступившие по району расположения японских войск через Уссури-Шмаковка.

Пропуская беспрепятственно вооруженные отряды русских мятежных контр-революционеров, японское военное командование прикрывало их отступление частями японской императорской армии. Так, 25 марта из Шмаковки отступил на станцию Свиягино вооруженный отряд русских мятежников и расположился на ст. Свиягино совместно с японским гарнизоном, выйдя, таким образом, из под удара Народно-Революционной Армии. Из станции Свиягино японское командование высылало на встречу частям Народно-Революционной Армии свои бронепоезда, в то время, как русские контр-революционные отряды отходили из Свиягино и занимали позиции у станции Спасска. Точно-также японским командованием высылались навстречу Народно-Революционной Армии кавалерийские части, которые, располагаясь соответствующим образом, обеспечивали благополучное отступление русских контр-революционных отрядов в районе деревень Дроздовка, Анненская, Константиновка и Хвалынка между железнодорожными станциями Свиягино и Евгеньевка.

Эти случаи прикрытия отступления русских мятежников частями японской императорской армии, имевшие место в конце марта месяца, не изменили решения правительства Дальне Восточной Республики избегать всяких столкновений с частями японской армии в Южном Приморьи. Руководствуясь строгими указаниями правительства, отдельные части Народно-Революционной Армии и их командование, преследуя вооруженных русских контр-революционных мятежников, не допустили ни одного случая малейшей враждебности против частей японской армии.

К сожалению, со стороны японского командования не было проявлено такого же отношения к Народно-Революционной Армии, а 2 апреля между станциями Свиягино и Евгеньевка Командованием японской армии были допущены по отношению к ней резко враждебные действия.

2 апреля утром, из места расположения частей Народно Революционной Армии в районе станции Свиягино командованием фронтовых частей Народно-Революционной Армии, было отправлено специальное уполномоченное лицо в г. Спасск к командованию частей японской армии для заявлений и переговоров о дальнейшем продвижении на юг Народно Революционной Армии, авангардные части которой в это время располагались и передвигались около деревни Бусьевка. Авангардными частями Народно-Революционной Армии также были высланы парламентеры к частям японской армии с заявлением о своих мирных намерениях по отношению к японским

войскам. Однако, представители японского командования, отказываясь допустить продвижение частей Народно-Революционной Армии, потребовали от них немедленной сдачи оружия, после чего части японской армии открыли ружейный огонь.

Несмотря на это, части Народно-Революционной Армии снова послали парламентеров с заявлением, что они ни в коем случае не вступят в столкновение с частями японской армии и с просьбой прекратить огонь. Но командование японских частей не обратило внимания на эти заявления и, наоборот усилило ружейный огонь и открыло сильную артиллерийскую стрельбу по частям Народно Революционной Армии.

В виду этого частям Народно-Революционной Армии был дан приказ отходить по линии огня, не принимая боя и не допуская никаких враждебных действий по отношению к япончастям. Несмотря на крайнюю трудность такого задания, части Народно Революционной Армии выполнили ее и отошли под артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем японских частей, не отвечая ни одним выстрелом, причем несколько десятков военных чинов Народно Революционной Армии было ранено,

Эти действия японских частей произошли еще до возвращения из Спасска Уполномоченного фронтового командования Народно-Революционной Армии и до получения командованием окончательных ответов на вопросы, для выяснения которых уполномоченный был командирован.

Таким образом, при наличии явно выраженных мирных намерений Народно Революционой Армии по отношению к Императорской Японской Армии, при наличии продолжающихся переговоров с японским командованием о мирном продвижении частей Народно-Революционной Армии—Японское Командование допустило вооруженное нападение и усиленный обстрел частей Народно-Революционной Армии, которые даже под ураганным огнем японских частей все же не дали ни одного выстрела, не предприняли ни одного враждебного движения по отношению к японским частям.

Правительство Дальне Восточной Республики заявляет свой решитель-протест против ничем не оправдываемого вооруженного нападения частей Императорской Японской армии на Народно-Революционную Армию, проявившую неоднократно свои вполне мирные намерения по отношению к японским войскам.

Правительство Дальне Восточной Республики просит сообщить какими мотивами руководствовалось командование японской императорской армии, допуская и прикрывая отступление враждебных Д.-В. Республике мятежных контр революционных отрядов через район расположения японских войск и в то же время предпринимая активно враждебные действия против

Народно Революционной Армии, двигавшейся мирным порядком в том-же районе.

Правительство Дальне-Восточной Республики надеется, что Имераторское Японское Правительство не замедлит ответом по этому вопросу и что командование Японской Императорской Армии примет необходимые меры к недопущению в будущем подобных столкновений, могущих внести нежелательную враждебность в отношениях между Японией и Дальне-Восточной Республикой и повредить делу установления дружеских отношений между обоими государствами.

Министр Иностранных Дел Дальне-Восточной Республики **Я. Янсон.**

Г. Чита.

4 апрель 1922 г.

Таковы официальные данные о событиях на Востфронте 2-го апреля.

Маска сорвана; и так тщательно скрываемое белокомандованием и японской дипломатией пособничество Японии авантюрам меркуловского правительства вылилось в открытое противодействие японских штыков наступлению наших частей. И то, что прекрасно было известно всем, но о чем никак не хстело открыто заявить японокомандование, выполняющее хитрую, захватническую политику японского императорского правительства, привело к тому, что наши доблестные части, не защищаясь, выносят удары японских штыков.

Наши стремления ясны для всех.

Трудящийся люд Дальне-Восточной Республики ведет бой с мятежными частями белоповстанческой армии генерала Молчанова, взлелеянными в змеином гнезде меркуловского правительства.

Командование нашей Армии открыто заявило японкомандованию, что оно не питает никаких враждебных целей против Японии, что оружие наших частей направляется против белых мятежников, нарушающих спокойную трудовую жизнь в Приморье, но что значат все уверения нашего командования для японских штыков, которые защищают вероломную политику своего правительствл.

И вот, беспредельное по бесстыдству своему совершилось.

Защищая своих лакеев, распродающих достояние русского народа, Япония покрыла себя неслыханным позором, открыв огонь по нашим частям, которые во исполнение приказа нашего командования должны были отступать без единого выстрела.

Суд истории и его справедливая оценка воздадут должное японской армии за такие действия; ведь японокомандование прекрасно знало, что наши части не откроют огня по частям японской армии и, таким образом, на безоружных ополчились японские штыки, ополчились на тех, кто

на своей территории ценою лишений и крови уничтожал заразное, гнойное гнездо вредной накипи царского строя.

Против кого, кого защищая и во имя каких целей открыли свой огонь японские части, приняв на себя позорную роль палачей?

Чем оправдают они свои „славные" действия пред своей и своего народа совестью и перед всем мыслящим миром? Или жажда наживы совершенно задушила все нравственные принципы и для них не существует никаких законов военной этики?

Против трудящегося люда, исполненного тяжелой, долгой борьбой, востанавливающего покой и мир на своей родной земле подняла свое оружие Япония, защищая своим насилием над нами свои жадные планы и кучку продажных авантюристов, нужных ей для выполнения намеченного грабежа.

Не много нужно было боевого мужества для столь ответственных „целей".

Ведь Японии ясно, что наши, и ее военные силы не равны. Ей ясно и то, что слишком ценна для нас жизнь каждого отдельного бойца, чтобы бросать его в ненужную, неравную борьбу.

Все это было очень ясно и японские части смело могли свершать свой „самоотверженный подвиг" прекрасно зная, что будут расстреливать безоружных.

Еще новое испытание, совершенно еще не встречавшееся в истории гражданской войны, выпало на долю наших славных героев.

Им привыкшим с величайшей самоотверженностью подчимать оружие против врагов свободы народной, приходится, проникнувшись государственной мудростью, терпеливо отступать, судорожно сжимая в руках, вдруг ставшую ненужной, винтовку.

„И под огнем пулеметов и артиллерии японских частей наши войска, неся потери, без выстрела, в порядке отходят, во исполнение приказа своего командования".

Простые и ясные слова нашей оперативной сводки. Но—какая трагедия измученного, истомленного упорной борьбой сердца, скрывается за этими словами!

Какое самообладание, какую выдержку нужно иметь для этого, какой дисциплиной должны быть скованы наши ряды! Ведь, если для боя нужен вдохновенный порыв, если для боя нужны самоотверженность доблесть, то для того, чтобы в порядке отступать под огнем противника, не имея права защищаться, нужна железная, сознательная дисциплина. И такую дисциплину в лице нашей армии 2 апреля явил миру трудовой народ.

А. Попов.

Попытки мирного соглашения.

Когда после переворота 4/5-го апреля 1920 года во Владивостоке японцы почувствовали, что им не удалось спровоцировать нападение русских на японцев и по этой причине оккуппировать Приморскую область,—они начали выдумывать способы столкнуть самих русских между собой и, объяснивши свое присутствие непорядком на русской территории и опасностью для резидентов, продолжать до безконечности свое „Соловецкое сидение“ в Приморье.

Уже в мае 1920 года был обнаружен заговор, так называемых „бочкаревцев“, которые занимались убийством отдельных ответственных работников (Уткина и др.) и тем играли в руку японской интервентской политике.

Руководители всей этой группы открыто сидели в японском Штабе и их провокационная работа была под постоянным наблюдением высшего японкомандования

Усилиями тогдашних наших властей во Владивостоке эту группу вскоре удалось ликвидировать и руководители ее были высланы из Приморья.

Эта „бочкаревская“ банда была только первою ласточкою, образовывавшегося в Приморье черного военного гнезда, первым цветком того грандиозного белогвардейского букета, который в дальнейшем, щедро поливаемый японскими иенами, отравил своим благоуханием всю нашу окраину.

В августе и сентябре началась группировка семеновских и калмыковских офицеров и солдат в районе Гродеково под начальством полковника Савельева, тогда же японцам было указано на недопустимость этой вооруженной организации и на необходимость, согласно договора 29 апреля 1920 года, разоружить ее, но японцы, по своему азиатскому обыкновению, заявили, что им „ничего неизвестно“, а посланный от них, якобы, для проверки нашего слуха генштаба капитан Вакамацу донес нашему министру Внутренних Дел (во Владивостоке) Гуревичу, что в Гродеково нет никаких вооруженных организаций, а есть только мирные казаки, которые по тра-

диции носят погоны и лампасы и вооружены лишь земледельческими орудиями вроде сох, борон и т. п.

Эти мирные земледельческие бороны впоследствии стали, действительно, бороздить землю Приморья, но только снарядами и система этих „земледельческих“ орудий оказалась весьма разнообразного калибра—от 3 х линейного до 6-ти дюймового.

Наша разведка доносила нам об истинном положении вещей, но, не желая посылать резерв милиции для разоружения этой „Савельевской земледельческой артели“, во избежание вооруженного столкновения, Правительство решило сговориться мирным путем. Была назначена Комиссия в составе товмина внутренних дел гр. Третьякова, от военного командования товарища председателя Главной Согласительной Комиссии и других, а от японцев—три офицера генштаба. Этой комиссией по приезде в Гродеково удалось выяснить и зафиксировать на бумаге истинный характер „агрикультурной группы“ под командой полковника Савельева, называемой тогда „отрядом самоохраны“. Наличие оружия у желтолампасных „агрономов“ было скреплено подписью казачьего Правления в лице полковника Савицкого. Состоялось соглашение, по которому отряд Савельева должен был сдать оружие японцам в районе Гродеково и подчиниться общему приморскому положению.

Эта группировка была ликвидирована, но вот где-то за кулисами нажата новая пружина и в декабре месяце снова начинается группировка войск уже большей армии—разбитых каппелевцев и семеновцев, пропущенных китайцами в Приморье. Снова едет комиссия Народного Собрания под председательством гр. Порфирьева, с представителем военного командовани Луцковым на встречу этим частям, уговаривая их или вернуться в Забайкалье, или ехать по домам в Советскую Россию или вступить в ряды НРА, только не оставаться в той военной организации, в какой они были.

От имени Правительства было сделано им братское предостережение, что их силой воспользуются интервенты и опять вовлекут в авантюру.

Гр. Порфирьев вел переговоры с Вержбицким, Луцков—с Молчановым. Оба предводителя белых организаций говорили, что у них нет желания воевать, и что они хотят только „устроить своих людей“.

Но по приходе в Приморье они остались в военных организациях и начались безобразия.

В марте месяце 1921 года Комвойсками Лепехин с начальником Штаба Луцковым в целях сделать новую попытку мирного соглашения поехали в Гродеково к генералу Савельеву, который к тому времени являлся уже заместителем „главнокомандующего“ Семенова, и к генералам Вержбицкому и Молчанову, как руководителям каппелевцев.

Вновь было предложено желающим поступить в Н. Р. А. или вернуться на родину (морем или сушею) или остаться здесь, но без военной организации.

На этот раз белое командование было откровеннее и наглее. Генерал Савельев просто сказал, „что мы с вами не сойдемся: могли бы сойтись на одном—бить жидов“.

Вержбицкий и Молчанов более хитро уклонились от ответов, говоря, что они предлагают своим разойтись по домам, но те не хотят, и у них в настоящий момент задача только устроить на работы своих солдат. Тогда полковнику Ловцевич, как представителю каппелевцев, организующему военные рабочие дружины, была оказана и от правительства и от военного командования возможная помощь.

Потом эти дружины были пущены на нас вооруженными!

В сентябре месяце 1921 года по просьбе самих каппелевцев через их депутата Покровского был командирован на Сучан и далее Луцков с полномочием Военного Совета Н.Р.А. для переговоров с ними, но все это было видимо провокация. Часть каппелевцев, идущая на встречу переговорам, была меркуловцами арестована и уничтожена и нельзя было верить больше им и их руководителям—убийцам Цейтлина.

Такова в самых кратких словах история первых попыток не допустить великий обман, который, в угоду японской интервенции, затуманил впоследствии головы даже многих честных—счастливое исключение!—из числа каппелевцев и семеновцев и повел их на исполнение директив японского штаба под флагом „Возрождения России“.

Если первоначальные попытки Правительства и Военного Командования, находившегося в Приморье в непосредственной близости к противнику, притти к мирному соглашению с руководителями белых отрядов и прекратить в самом начале их—тогда еще только намечавшуюся, а позднее майским переворотом во Владивостоке осуществленную и в дальнейшем развитую—кровавую игру в „возродителей“ Единой, Неделимой и т. д. России потерпели неудачу и не привели к тем результатам, которые дали бы возможность ликвидировать заразный гнойник бело-черной военщины, группировавшейся вокруг Семенова, Вержбицкого и других марионеточных воевод Приморья, то во всяком случае они определили для дальнейшего весь курс нашей политики и нашу позицию по отношению к белым группам. Реакционные военные круги, поддерживаемые и подогреваемые закулисными японскими инспираторами, пытались держать „высокую марку“ и выдавать себя за действительно крупную силу как в глазах купеческих и других кругов Владивостока, так, главным образом, и в мнении командования „некоей

дружественной державы", интересы которой в то время, как и теперь, шли по одной линии с реакционными силами.

Все упования „славные орлы" былого колчаковского гнезда возлагали на иностранную поддержку техническими и финансовыми средствами. На Желтый Восток были устремлены просительные взоры и алчные руки руководителей переворотческого движения.

От чужеземных благодетелей ожидались „великие и богатые милости" по доброму евангельскому принципу: „просите и дастся вам". И хотя японцы—буддисты, ничего не поделаешь!—относительно христианских добродетелей держались своего языческого воззрения и кроме подачек, весьма скупых и дорого стоющих генеральскому самолюбию да широких обещаний оное генеральское самолюбие раздражающих, первое время ничего определенного и существенного не давали, все же своею санкцией—вернее, полупризнанием их законного существования, как некоторой силы государственного значения на территории Приморья,—поддерживали воинственный дух Гродековского стана.

Но все же неопределенность оставалась неопределенностью, дразня воображение и возбуждая карманный аппетит многих.

Нам на некоторое время придется отвлечься от прямой темы для характеристики происходивших в лагере белых событий.

Майский переворот во Владивостоке (в 1921 г.), в котором приняли надлежащее участие все военные круги белогвардейщины, в конечном своем расчете, благодаря купеческой смекалке Меркуловской компании, не дал Семенову и другим того, что они ожидали, т. е. полнейшего главенства и верховного водительства дальнейшими событиями.

Вор у вора и на этот раз украл дубинку и все барыши от предприятия, как политические, так и экономические, присвоил себе, а мавр, который сделал свое черное дело, остался в черном теле подсобника для будущих авантюр.

Эта роль, видимо, по многим причинам была не по сердцу атаману Семенову и всем, иже с ним обретались, и заставили его 21 го июня 1921 года обратиться в открытую к Начальнику Штаба высшего японского командования генералу Тачибана с письмом, ужасающий цинизм которого и предательские предложения, в нем изложенные, способны возмутить даже привычное к белогвардейским подлостям сердце.

Приводим это письмо полностью, так как каждая строка его, если глубоко вдуматься, достойна всех иуд и каинов земного шара вместе взятых и в квадрат возведенных.

Предложение о продаже всего русского в руки чужеземной державы сделано с откровенностью настоящего кондотьера былых времен.

ПИСЬМО СЕМЕНОВА К ГЕНЕРАЛУ ТАЧИБАНА.

Копия с копии.

Его Высокопревосходительству Главнокомандующему Японскими Императорскими Экспедиционными силами в Приморье генералу Тачибана.

Ваше Высокопревосходительство, из моих последних сообщений осведомлено о сущности моих переговоров с так называемым правительством бр. Меркуловых, которые, путем моей помощи, захватив власть в Приморье, провокационными способами стараются лишить меня возможности продолжать святое дело борьбы с большевиками во имя восстановления Родины России и связанных с нею интересов Его Императорского Величества Государя Японской Империи и ее народа.

Всегда стоя на страже указанного, что хорошо известно Японскому Императорскому Командованию за длинный период совместной борьбы в суровом Забайкалье, я в настоящий момент, благодаря честолюбию негосударственных людей бр. Меркуловых, с своей партией должен пассивно наблюдать работу коммунистов в сторону уже бесповоротного захвата власти в Приморье. Мне нечего указывать Вашему Высокопревосходительству на те средства, которые имеются в руках руководителей политики Российской Социалистической Республики для систематического ослабления влияния войск Его Императорского Величества Государя Японской Империи. Для этой цели будет использована Америка, устанавливающая рамки политике Японии в Приморье. К столкновению интересов двух великих стран, конкурирующих в программе постройки военных судов, на сколько мне известно уже была попытка, неликвидированная до настоящего времени, а нерешительность в деле просимой мной помощи может действительно вредно отозваться на политике японского командования.

Вам, Ваше Высокопревосходительство, из моих сообщений и Дальне-Восточной прессы, известны отзывы общественных группировок обо мне, а также искренность моих стремлений на пользу двух великих стран Японии и России. Использовав все возможности мирного разрешения вопроса реконструкции власти, я не добился желаемой цели и это безусловно нанесет неисправимый ущерб интересам не только русской далекой окраины, но интересам японских резидентов, Правительству и экономической политике, улучшение которой связано только с моим правлением в крае. Посылая предыдущее извещение о состоянии моих переговоров с провокационными захватчиками власти Меркуловыми, я просил мои соображения по политическому моменту передать в Токио Его Сиятельству графу Учида для доклада Его Императорскому Величеству, но до сего времени я не удостоился ответа Вашего Высокопревосходительства по существу изложенного. В

настоящий момент положение изменилось в значительно худшую сторону, чем я полагал, и могу сообщить из вполне достоверных источников, мне известно о ведении тайных переговоров между правительством Меркулова и Д. В. Р. через эмиссара Кожевникова, где главным пунктом обоюдного соглашения есть взгляд на принятие мер к прекращению интернирования Приморья.

Мне крайне прискорбно, Ваше Высокопревосходительство, разочароваться в людях, которым я никогда не отказывал в средствах и помощи и в деле государственного строительства и антикоммунистической борьбы, но теперь, когда политическое лицо Приамурского правительства конкретизировалось в фактах гнуснейшего преследования вверенных мне лиц, закрытия газет, объективно освещающих политическое положение и перспективы Приморья, мы стоим перед дилеммой:—возвращения большевизма в единственно неприкосновенный уголок России или восстановления правовой государственности во всесибирском масштабе, где будут процветать и дружеские отношения к стране, давшей возможность выбраться из под ненавистного ига ненавистного народу коммунизма.

Вы, Ваше Высокопревосходительство, имеете возможность наблюдать сейчас за время почти месячного правления Меркуловых абсолютную непригодность этого аппарата, сконструированного не по требованиям политического момента, а также и не отвечающего требованиям союзных держав, желающих видеть буферное государственное образование, как своего рода проволочное заграждение своих экономическо-политических позиций от разрушающей эпидемии коммунизма. Моя программа правления, изложенная Вашему Высокопревосходительству в Мукдене 23-го января вызывается в настоящий момент жизненными политическими потребностями, и я осмеливаюсь напомнить Вашему Высокопревосходительству на возмещение убытков, причиненных японской армии в случае продолжения интернирования края с целью помощи противокоммунистической, возглавляемой мной армии. Покрытие расходов... будет носить характер территориального отчуждения, расширение конвенционных торговых прав и специальных конвенций, вытекающих как следствие, из дружеской помощи соседнему государству. Правительство г. Меркулова стоит далеко от таких намерений и от известного Вашему Высокопревосходительству моего метода борьбы с большевизмом и результатом этого явилось то, что образовавшаяся на Имане банда, обладая 2,500 вооруженных человек нападает на лойяльные мне отряды и этим пресекает возможность противокоммунистической борьбы.

В настоящий момент в Приморской области вспыхивает повсеместное восстание партизанских отрядов и требуется популярность вождя для свое-

временной локализации преступных шаек, с которыми очень трудно бороться даже дисциплинированной японской армии, в силу особых обстоятельств положения партизанских отрядов и неимения возможности организованной армии развернуть свои действия, вследствие относительной громоздкости. В моем распоряжении имеется около 9-ти тысяч верных и испытанных бойцов под командованием генерала Савельева, кроме этого деятельный генерал Пучков также успешно организует армию для борьбы с большевиками. В настоящий момент горячей работы, как с одной стороны, так и с другой, необходимо пользоваться моментом неорганизованности противника и только благоразумно учтенные обстоятельства принесут пользу как русскому, так японскому народам.

Излагая неоднократно свои взгляды, я в последний раз обращаюсь к Вашему Высокопревосходительству от имени русского народа, прошу помощи, если не в активной борьбе с большевиками, что наиболее успешно может быть только при автономном управлении воинскими антикоммунистическими группировками Приморья, то нейтрального отношения принятым мной мерам для проведения в жизнь принципов, высказанных неоднократно Вашим Высокопревосходительством. О последнем совещении командиров лойяльных мне воинских частей на Русском Острове в присутствии адъютанта Вашего Высокопревосходительства майора Синкен, надеюсь, доложено Вашему Высокопревосходительству господином майором.

Считая не лишним указать то единодушие возмущения, которое руководит указанными офицерами по совещании генерала Клерже по отношению госп. Меркулова ко мне, осмеливаюсь просить Ваше Высокопревосходительство переслать настоящее официальное письмо мое гр. Учида. а также в возможно непродолжительном времени сообщить мне мнение Вашего Высокопревосходительства по существу настоящего письма.

Атаман Семенов.

21-го июня 1921 года. С копией верно: для поручений при Главкоме всеми вооруженными силами Д. В. Р. Нечаев.

(Приказ Военсовета НРА № 93 от 21 Июля 1921 г. Изд офиц.).

Более унизительной для русского национального чувства позиции, вероятно, не занимал ни один из „спасителей“ родины от большевиков!

Здесь карты открыты с бесстыдством игрока, который „любовь к отечеству и народную гордость“ сразу переводит на язык дельца, обиженного, что другой делец--Меркулов—из под самого его носа сумел вырвать плоды вожделений военной клики.

Да, —тут есть от чего встать в оппозицию и сразу начать упорную ориентировку на Всероссийское Учредительное Собрание!

Меркулов из доброго приятеля становится сразу и „язвой и чумой и порчей здешних мест“, что однако не мешает ему „слушать да есть“ те куски народного имущества, которые были во Владивостоке в виде грузов, казенного добра и прочего, при чем японцы не без выгоды для себя, конечно, пропихивают ему в горло наиболее жирные куски.

Аппетит приходит во время еды—особенно во время чужой,—и вот Семенов по военному повел аттаку на Меркулова и, как оказалось в последствии, проиграл, ибо по условиям тогдашнего момента японцы предпочли „вельможную боярину“, могущественному повелителю Гродекова и окрестностей—биржевика Меркулова с его определенно выгодной для Японии линией поведения.

Не задолго до этого письма к генералу Тачибана,—герой Даурии и Урги Барон Унгерн—фон Штенберг после обстоятельных переговоро с Семеновым на тему о „царском величестве“ и о путях к его восстановлению, в полной надежде на влияние Семенова в японских кругах и на успех его намечавшейся авантюры в Приморье, выработал план общего нападения на Совроссию, изложенный в его—надо отдать должное: совершенно сумасшедшем!—приказе № 15, изданным в г. Урге 21-го мая 1921 года.

Текст этого приказа слишком обширен, чтобы его привести здесь полностью, поэтому мы даем его в выдержках.

Общая тенденция приказа немного расходится с мечтами Семенова и носит явно монархический характер, но уж таков был склад мышления доблестного барона, в голове которого царь, расстрел, палка и текст из книги пророка Даниила одинаково находили себе место.

ПРИКАЗ № 15

Русским отрядам на территории Советской Сибири.

Мая 21-го дня н. стиля 1921 года. Г. Урга.

Я, Начальник Азиатской конной дивизии, генерал-лейтенант барон Унгерн, сообщаю к сведению всех русских отрядов, готовых к борьбе с красными в России, следующее:

1) Россия создавалась постепенно из малых отдельных частей, спаянных единством веры, племенным родством, а впоследствии общностью государственного начала. Пока не коснулись России к ней по ее составу и характеру неприменимые принципы революционной культуры, Россия оставалась могущественной, крепко сложенной империей. Революционные бури с запада глубоко расшатали государственный механизм, оторвав интеллигенцию от общего русла народной мысли и надежд. Народ, руководимый интеллигенцией, как общественно-политической, так и либерально-бюрократической,

сохраняя в недрах своей души преданность Вере, Царям и Отечеству начал сбиваться с прямого пути, указанного всем складом души из жизни народной; терял прежние, давшие величие и мощь стране, устои, перебрасывался от бунта с царями-самозванцами к анархической революции и потерял самого себя. Революционная мысль, льстя самолюбию народному, не научила народ созиданию и самостоятельности, но приучала к вымогательству, разгильдяйству и грабежу. 1905 г., затем 1916—17 года дали отвратительный преступный урожай революционного посева.

Россия быстро распалась. Потребовалось для разрушения многовековой работы только три месяца революционной свободы. Попытки задержать решительные инстинкты худшей части народа оказались запоздавшими. Пришли большевики, носители идей уничтожения самобытных культур народных, и дело разрушения было доведено до конца. Россию надо строить заново по частям. Но в народе мы видим разочарование, недоверие к людям. Ему нужны имена, имена всем известные, дорогие и чтимые.

Такое имя лишь одно,—Законный Хозяин земли русской Император Всероссийский Михаил Александрович, видевший шатание народное и словами своего высочайшего манифеста мудро воздержавшийся от осуществления своих державных прав до времени опамятования и выздоровления народа русского.

2) Силами моей дивизии совместно с монгольскими войсками свергнута в Монголии незаконная власть китайских революционеров-большевиков, уничтожены их вооруженные силы, оказана посильная помощь объединению Монголии и восстановлена власть ее законного державного главы Богды-хана.

Монголия по завершению указанных операций явилась естественным исходным пунктом для начавшегося выступления против Красной Армии и Советской Сибири. Русские отряды находятся во всех городах Куре и Шаби, вдоль монгольско-русской границы, таким образом наступление будет происходить по широкому фронту.

3) В начале июня в Уссурийском крае выступит атаман Семенов при поддержке японских войск или без этой поддержки.

4) Я подчиняюсь атаману Семенову.

5) Сомнения нет в успехе, так как он основан на строго обдуманном и широком политическом плане. По праву, переданному мне, как военачальнику, не покладавшему оружия в борьбе с красными и ведущему ее на широком

фронте, приказываю Начальникам отрядов, сформированных в Сибири для борьбы с Советом Народных Комиссаров. *) . . . .

. . . .

9) Комиссаров, коммунистов и евреев уничтожать вместе с семьями. Все имущество их конфисковать.

10) Суд над виновными может быть или дисциплинарный или же в виде применения разнородных степеней смертной казни. В борьбе с преступными разрушителями России помнить, что по мере совершенного упадка нравов России и полного душевного и телесного разврата нельзя руководствоваться прежними законами, не предполагавшими существования преступлений, подобных совершающимся в настоящее время. Мера наказания может быть лишь одна—смертная казнь разных степеней. Старые основы правосудия, правда и милость изменились. Теперь должны царствовать правда и безжалостная суровость. Зло, пришедшее на землю, чтобы уничтожить божественное начало в душе человеческой, дожно быть вырвано с корнем.

Ярости народной против руководителей и преданных слуг красных учений не ставить никаких преград. Помните, что перед народом встал вопрос „быть или не быть".

Единичным начальникам, карающим преступника, помнить об искоренении зла до конца и навсегда и о том, что неуклонность в суровости суда ведет к миру, к которому все стремимся, как к высшему дару неба.

Не расчитывать ни на бывших союзников—иностранцев, переживающих подобную же революционную болезнь, ни на кого бы то ни было. Помнить, что война питается войной и что плох военачальник, пытающийся купить оружие и снаряжение тогда, когда перед ним находится вооруженный противник, могущий снабдить боевыми средствами.

Народами завладел социализм, лживо проповедывающий мир, злейший и вечный враг мира на земле, так как смысл социализма—борьба. Нужен мир—высший дар неба. Ждет от нас подвига в борьбе за мир и тот, о ком говорит св. Даниил в гл. XI, предсказавший жестокое время гибели носителей разврата и несчастия и пришествие дней мира: „И восстанет в то время Михаил Князь Великий, стоящий за сынов народа своего, и наступит время тяжелое, какого небывало с тех пор, как существуют люди, до сего времени; но спасутся в это время из народа твоего все, которые будут записанными в книге. Многие очистятся, убелятся и переплавлены будут в искушении, нечестивые же будут поступать нечестиво и не уразумеют сего никто

---

*) В пунктах 6, 7, 8 определен технический план нападения с подробным обозначением войсковых соединений, их подчиненности, взаимоотношений, имеющие внутренний характер.

из нечестивых, а мудрые уразумеют. Со времени прекращения ежедневной жертвы и постановления мерзости запустения пройдет тысяча двести девяносто дней. Блажен, кто ожидает и достигнет тысячи трехсот тридцати дней".

Твердо уповая на помощь Божию, отдаю настоящий приказ и призываю Вас, офицеры и солдаты, к стойкости и подвигу.

Начальник Азиатской конной дивизии генерал лейтенант барон Унгерн.
С копией верно: для поручений при Главкоме всеми вооруженными силами Дальне Восточной Республики К. Нечаев.

В этом замечательном по своей безграмотности, жестокости и явному сумашествию приказе наиболее характерными являются пункты 3 и 4 й, гласящие:

„В начале июня—(письмо Семенова к генералу Тачибана датировано 21-го июня) в Уссурийском крае выступает атаман Семенов при поддержке японских войск . . . . или без этой поддержки". Последняя добавка указывает, что к концу мая вопрос об открытой японской поддержке решен еще не был и—„я подчиняюсь атаману Семенову", что обозначает—означенная поддержка будет!

Когда вышеприведенные документы были получены Военным Советом Н.Р.А., он тотчас же в своем приказе от 21-го июня 1921 года за № 93 опубликовал их для сведения всех „честных офицеров и солдат, в ком не угасла совесть и тлеет любовь к родине" как документы, характеризующие истинные национальные стремления спасителей отечества—атамана Семенова и его подручного барона Унгерна.

При чем, заканчивая свой приказ, Военный Совет, обращаясь к офицерам и солдатам вражеского лагеря, говорит:

„Оставляя в стороне исторический ход событий борьбы трудового народа России за власть и построение самой власти, я обращаю ваше внимание, бывшие офицеры, на письмо Семенова к безкорыстным спасителям—японскому генералу Тачибана и приказ № 15 хвастливого разбойника Унгерна и предлагаю вам внимательно вчитываться в них и решить с кем вам идти. С трудовым ли народом, детьми которого вы являетесь, или с кучкой авантюристов, продающих для личного благополучия и жажды власти достояние народа.

Думаете ли вы, что народ, ценой крови лучших своих сынов разорвавший цепи векового рабства, завоевавший право на свободу и лучшую жизнь, отдаст себя в кабалу приспешникам самодержавия и хищному капиталу.

Неужели четыре года беспримерной борьбы полуголодного, раздетого крестьянина и рабочего России на всех фронтах с мировыми хищниками-

капиталистами, выставлявшими за себя на награбленное ими в России золото Колчаков, Деникиных, Врангеля, Семенова и т. д. не доказательство для вас?

Народ уже гонит царских холопов и готов к борьбе с ними и враги народа один за другим позорно сметаются со сцены.

. . . .

Знайте, что полуголодный, раздетый народ, закаленный в борьбе не боится бряцания оружием и скрежета сытых, утопающих в роскоши и пьянстве на награбленное народное золото, „спасителей".

. . . .

Очнитесь, обратитесь к вашей совести, если только таковая не разменялась на медные подачки от разбойников атаманов, она вам, вышедшим из недр самого народа, подскажет с кем идти.

За всю эту откровенную наглость и бесстыдство, с каким Семенов, Унгерн распродают родину и оплевывают народ, за все страдания народа и ваши, если вы истинные дети, кровь и плоть его, крикните всем этим разбойникам:—„Прочь руки от святого дела воссоздания России!

Это дело самого народа, не мешайте творить ему свою волю, ковать свое счастье. Мы дети народа и пойдем с ним.

Долой насильников атаманов-генералов и их помощников—интервентов! Долой золотую мишуру! Народ зовет и ждет вас раскаявшихся в свои ряды для труда и мира".

Опубликование этих документов было уже не первой официальной попыткой раскрыть глаза обманываемой командными верхами офицерской и солдатской среде каппелевцев и семеновцев.

В дальнейшем—разгром Унгерновских банд войсками Красной Армии и закат „лучезарной" звезды Семенова, отбывшегося из Гродеково по свету искать „оскорбленному чувству уголок".

Известно также, что „карету" подавали общими усилиями всех меркуловских коммивояжеров в мундирах и без оных, а деньги ямщику, чтобы особенно сильно „не гнал лошадей", (возможность того, что Семенов еще пригодится, не была тогда исключена) платила Япония, давшая и „на булавки" для цыганки Маши и на ресторанные счета широкой атамановской души.

И атамановы челны отплыли—на простор морской волны Шанхая, оставив в Гродекове осиротевших забулдыг, давших на прощальном банкете „клятву верности", запитую достаточным количеством шипучего.

В последствии—при последнем авантюристском походе на Хабаровск, семеновцы эту „клятву верности“ сдержали.

В задачи настоящей статьи не входит описание всех событий, совершившихся в Приморье и всех уголовных деяний Приморского Правительства, а лишь рассмотрение тех попыток, какие делало военное командование Н.Р.А. с целью найти общий язык с военными же кругами белых, поэтому мы пропускаем, правда, очень любопытные сдвиги и происшествия, какие были в головах и поступках владивостокских самодержцев Меркуловых и пр. за период июль—октябрь 1921 года.

Во время поездки Главнокомандующего тов. Блюхера осенью 1921 года была сделана еще попытка образумить остатки когда то большой армии Колчака, а ныне клочки строевых частей, за командование над которыми, как в былые времена бояре о „местничестве“, спорили различные генеральские верхи в лице Молчанова, Вержбицкого, Смолина, Глебова и других бессовестных наемников, желающих добросовестно заслужить чужеземные харчи.

Был издан приказ (№ 212 от 5-го сентября 1921 года) с обращением к каппелевским низам, одурманенным продажной политикой главарей.

Мы приводим его полностью и без комментариев, ибо приказ говорит сам за себя и является подтверждением всего примирительного курса нашей военной политики по отношению к белогвардейцам, нашедшим приют в Приморье, в течении всего периода борьбы на Дальнем Востоке, равно как и. приказ № 22 от 8 июля 1921 года.

ПРИКАЗ

Военного Совета Народно Революционной Армии и Флота Дальне-Восточной Республики.

Г. Чита. № 22. 8 го июля 1921 года.

ОБРАЩЕНИЕ К КАППЕЛЕВЦАМ И СЕМЕНОВЦАМ—ОФИЦЕРАМ И СОЛДАТАМ.

§ 1.

Вы, силой и всякими хитросплетениями были вовлечены кучкой-шкурников—генералов и офицеров в борьбу. Каждый из этих шкурников, мечтающий об обширных поместьях, желает править народом против воли самого народа. Им нужен народ крепостной, покорный воле господина помещика, фабриканта. Им нужна власть, держащая народ в рабском подчинении —нагаечная царская власть. Навязав эту власть народам России, эта кучка

политических хулиганов оказалась бессильна, и теперь, когда в процессе борьбы народ изгнал из своих пределов эти жалкие остатки царского величия, когда восставшие рабочие и крестьяне выбили их с насиженных мест,— они собираются за пределами России, ярые закоренелые враги народа рабочих и крестьян и всего честного и свободного. Эта белогвардейская свора обдумывает план нового закабаления русского крестьянина и рабочего. У них нет отечества, нет родины, а есть только жажда возвращения потерянной власти, воспоминанием которой остались золотые погоны, пристегнуть которые к своим плечам они спешат при каждом случае. Выбитые с юга, они слетелись в Константинополь и начали вести переговоры с Францией, предлагая ей в кабалу всю Россию, всех крестьян и рабочих, лишь бы получить помощь на борьбу с крестьянами рабочими и вернуть потерянную власть. Выбитые из Сибири, они устраивали слеты в Артуре, Харбине, Владивостоке и Гродеково, продавая Японии всю Сибирь со всеми крестьянами и рабочими ее населяющими, лишь бы добиться власти.

Вы, большинство офицеров и солдат, оказавшиеся в силу случайностей, заблуждений, лжи и обмана, которыми вас окружили, в сфере влияния этой кучки грязнейшей из грязных отбросов России, теперь должны решить вопрос вашего положения, вашего будущего. Будете ли вы содействовать этим авантюристам, станете ли врагами народа или вы встанете на его защиту и откажитесь служить игрушкой в руках этой кучки предателей. Вы видите, что за ними и с ними идет японский штык, японский жандарм, японский помещик и фабрикант. Хотите ли видеть родные села и города раззоренными предателями народа, под ярмом японского господина. А ярмо уже насильственно при участии кучки русских предателей накидывается на права русского народа. Вспомните Сахалин, рыбные промыслы, Владивосток и Гродеково. Россия освободилась от французского, английского и польского и т п. ярма, которые накидывались на ее шею услужливыми руками царских генералов. Она освободится и от ярма, которое готовят на Востоке изгнанные из России бандиты.

Мы можем отнестись спокойно к предстоящей борьбе, зная что в стане наших врагов могут оказаться наши братья, такие же крестьяне и рабочие как и те, что упорно отстаивают свои права, свою независимость. Наконец, мы уверены, что в том стане врагов народа могут оказаться и честные офицеры, кадры которых занимают должности в революционных частях и своими подвигами и самоотверженностью в борьбе с контр революционными генералами не раз доказали свою преданность не форме и и блеску, а народу и революции.

Военный Совет Нарревармии и Флота Д. В. Р., подтверждая неоднократное обращение командования, вновь обращается ко всему, что есть

честного, любящего народ и родину, не желающего видеть всю страну разоренною и под иностранным гнетом, с призывом отмежеваться от кучки авантюристов и предателей, уничтожить их, где окажется возможным, как врагов народа и прийти на защиту частей Народно-Революционной Армии, чтобы не оказаться во власти авантюристов Вместе с тем Военный Совет призывает всех не верить клеветам и лживым запугивающим слухам: издевательства переходящие не встретят. Пусть этого никто не боится, как не боялись те, кто уже успел перейти и в наших рядах встать на защиту народа.

Пусть каждый честный гражданин, будь то офицер или солдат, смело является, в район расположения наших частей, и там получить указания дальнейшего следования. Военный Совет призывает всех, входящих в состав семеновских и каппелевских частей решить теперь же вопрос, где ему оставаться, и тот, кого совесть и разум толкнут пойти к нам пусть спешит с этим, так как гроза близка,—авантюристы торопятся связать с собой и то, что осталось честного в сфере их влияния и готовятся сделать их участниками своего предательства.

§ 2.

Каппелевцам и семеновцам, как солдатам так и офицерам, понявшим как далеко завела их кучка преступных авантюристов и переходящим на на нашу сторону, Военный Совет приказывает под строгой ответственностью комсостава и каждого в отдельности оказывать братский прием, помогая всем, чем можно, и оказывая без каких либо задержек всемерную помощь в дальнейшем продвижении.

§ 3.

В целях же планомерной и более рациональной помощи переходящих к нам каппелевцев и семеновцев создаются приемные комиссии в районе ст. Иман и Маньчжурия, куда и надлежит всем обращаться

Подлинник за надлежащими подписями.

ПРИКАЗ

Военного Совета Народно-Революционной Армии и Флота Дальне-Восточной Республики.

Город Хабаровск. № 212. 5-го сентября 1921 г.

§ 1.

Солдаты и офицеры каппелевских войск! Военный Совет Н. Р. А и Флота Д. В Р. во второй и последний раз обращается к вам с братским призывом: взгляните вокруг себя, вспомните все пережитое нашей примор-

ской окраиной за последние месяцы, подумайте над создавшимся положением. Вы найдете единственно возможный выход из него. Меркуловское „правительство“, в майские дни вашими руками совершившее переворот в Приморье под флагом демократизма, за эти три с лишним месяца вполне обнаружило свои истинные намерения и свою физиономию; вместо защиты интетесов наших, оно продавало и продолжает еще, при вашем вольном и не вольном соучастии, продавать эти интересы иностранным капиталистам. Вы не видели или не понимали этого в дни переворота, потому что были обмануты авантюристами захватчиками, болтавшими о всенародном сочувствии и обещавшими вам возвращение на родину, но только слепой не видит сейчас, что это жалкое правительство, выдвинутое на политическую сцену опытной закулисной рукой иностранного империализма, оказалось душителем всякой свободы, палачем трудящихся, предателем родной страны; трудящиеся Приморья поняли это с первого дня и повели против захватчиков упорную борьбу, выразившуюся в забастовках и вооруженных выступлениях и принявшую за последнее время характер и размеры широкого народного восстания. Видя растущее возмущение народных масс политикой захватчиков, от братьев Меркуловых стали отшатываться даже такие общественные элементы, которые их до сих пор всемерно поддерживали; только этой полной непопулярностью среди всех слоев населения объясняется очевидный для всех провал так называемого Народного Собрания, которым меркуловцы расчитывали прикрыть, как ширмой, свои грязные спекуляции народным достоянием. Видя все растущую пропасть между кучкой захватчиков и населением, видя с другой стороны укрепление и рост нашей молодой Республики демократической, успевшей за это время в тесном союзе с братской Российской Советской Республикой нанести ряд жестоких поражений той белогвардейской группе, которая пыталась создать в Монголии свою контрреволюционную базу, испытывая, наконец, на себе все усиливающееся воздействие изменившейся в нашу пользу мировой политической обстановки, японское правительство, видимо, отказалось от мысли подчинить себе русский Дальний Восток открытой вооруженной силой или через посредство подставных демократических правителей, вроде братьев Меркуловых, и вступило с нами в переговоры, происходящие ныне в Дайрене. В эти роковые для него дни Меркуловское правительство пытается уверить иностранных, особенно японских, представителей в том, будто оно продолжает выражать какие-то народные интересы, будто оно опирается на вооруженную силу в вашем лице. Как вы видите, это правительство, ждущее своего последнего часа, запасшееся уже заграничными паспортами и переложившее награбленные ценности на всякий случай из государственного банка в частные иностранные банки, продолжает еще спекулировать на вашей нерешительности, на

вашем страхе перед несуществующими большевистскими ужасами, на несознательности некоторой части ваших товарищей, и будет спекулировать на всем этом, чтобы предать вас и бросить на произвол судьбы, когда пробьет быстро приближающийся грозный час расплаты. Солдаты и офицеры, вспомните, что вы братья тех рабочих и крестьян, тех честных тружеников, которые в невиданной миром четырехлетней героической борьбе отстояли свою великую родину от всех покушений иностранных и отечественных хищников контрреволюционеров. Задумайтесь над вашим положением, над тем, что ждет вас в случае дальнейшей противоестественной поддержки вами кучки паразитов, и скажите им твердо и решительно: довольно обмана и насилья! довольно лить русскую кровь ради прибыли иностранных капиталистов, прочь грязные руки от великого всенародного дела возрождения нашей страны!

Мы ждем вас в свои ряды, помогите нам покончить скорее эту братоубийственную распрю, чтобы и вы получили, наконец, возможность вернуться в свои семьи, ведущие упорную борьбу с голодом, холодом и разрухой. Вы, офицеры, не верьте грубым выдумкам о тех жестокостях, которыми мы будто бы мстим своим вчерашним противникам. то наглая ложь, клеветническое измышление тех, которые обманом и насилием пытаются удержать вас на своей стороне. Мы протягиваем вам руку прощения и примирения и даем вам от имени избранного Всенародным Учредительным Собранием Правительства Дальне-Восточной Республики и Военного Совета Нарревармии и Флота торжественное обещание, что никто из вас не понесет никакого наказания за прошлое, что всем, кто захочет принести посильную помощь родине в деле строительства и усовершенствования ее вооруженных сил, будут предоставлены должности, соответствующие их военным знаниям и способностям. И так в последний раз обращается к вам, обманутые солдаты и офицеры, Военный Совет Республики с призывом. Смерть захватчикам и тем, кто их будет поддерживать! Братский прием, прощение и примирение всем, кто перейдет на нашу сторону в течении месяца со дня издания настоящего приказа.

§ 2.

Опубликованное в § 1 настоящего приказа воззвание Военного Совета объявить всем бойцам Н.Р.А.; подтверждая обязательные указания, данные в приказе Военсовета Н.Р.А. 22 от 8 июля с. г., Военный Совет приказывает переходящих на нашу сторону офицеров и солдат каппелевской армии принимать, как заблудившихся, раскаявшихся братьев, не чиня над ними никаких насилий, удовлетворяя их всеми положенными видами довольствия и препровождая для дальнейшего назначения в город Читу и Хабаровск.

Подлинное за надлежащими подписями.

Все приведенные выше приказы—обращения, видимо, доходили по назначению,—по крайней мере наиболее честные и благоразумные элементы из среды каппелевцев во Владивостоке начинали уже просыпаться и разгадывать ту недостойную роль предателей русского народного дела на Дальнем Востоке и всего, что завоевал этот народ в период революции.

Если и преобладали в младшей офицерской среде шкурнически настроенные элементы, боявшиеся за свою жизнь, в случае их перехода на нашу сторону, то все же элементы эти не смогли заглушить начинавшегося брожения среди масс, так как доверие к ним, упорно стоявшим на непримиримой по отношению к Дальне-Восточной Республике и Совроссии позиции, было поколеблено честными призывами Военного Совета и голос благоразумного офицерства начал все громче и громче звучать на собраниях не одной только офицерской гоп-компании за рюмкой доброго Антипаса,но и в казармах и вообще в местах скопления „серой скотинки".

Все это заставило и высшее военное командование каппелевцев и правительственные сферы Владивостока и японские круги озаботиться скорейшим принятием мер, чтобы не допустить разложения в рядах армии, особенно усилившегося в связи с переговорами группы Лепехина, Луцкова и Цейтлина.

В ход было пущено старинное средство „страхование на случай неожиданности" и за полчаса до пожара на место предполагаемого происшествия были пущены огнегасительные средства—начались аресты среди офицерства и солдат, вывод из Владивостока неблагонадежных частей и, наконец, привычный для белогвардейских палачей террор среди армии и гражданских лиц, подозреваемых в сношениях с коммунистами.

Убийство Цейтлина—было ответом Меркулправительства на некоторые шаги военного командования мирно договориться с обманутыми черносотенной пропагандой белогвардейцами.

Беспокойство Меркуловых и высших военных кругов должно было найти себе выход из такого положения и в дальнейшем.

Судьбе было угодно, чтобы затянувшиеся в Дайрене переговоры с японцами послужили для дипломатов Токио причиной объединения их интересов с интересами зарвавшихся реакционеров со Светланки.

Япония не отказалась в этой игре держать „мазу", как говорят клубские арапы, тем более, что хорошую мину можно всегда сделать и при дурной игре и молчаливо санкционировала новую авантюру, чтобы с одной стороны, дать работу безработным рыцарям большой дороги, которая тянется от Владивостока до Гродекова и далее на Харбин, а с другой—иметь удо-

вольствие лишний раз настаивать на необходимости интервенции и тем оказать давление на Дайренское совещание.

И вот мы стали свидетелями новой фантастической кровавой комедии, которая была затеяна, с одной стороны, деятелями несоциалистического съезда, с другой „их превосходительствами" верноподданными двух императоров —японского и будущего русского, о котором еще, по словам их сотоварища по кнуту фон-Унгерна, пророк Даниил напророчествовал в главе одиннадцатой своей книги.

Вновь обновленная на японскую субсидию идея национального возрождения великой России была пущена в ход, рассказано было из сказок „Тысяча одна ночь" о тысяче первом восстании в Москве и по всей России, в двадцать пятый раз Ленин арестовал Троцкого и сам убежал за границу с двадцатью миллиардами пудов золота и т. подобные бредни из богатого арсенала Владивонипповской журналистики и новая армия „смертников" двинулась в неожиданный для военного командования Н Р. А. момент на Уссурийскую жел. дорогу.

Если бы мы хотели пародировать Пушкина, то написали бы в альбом Молчанову:

Тень колчаковская меня усыновила!
Спасителем со дна Байкала нарекла,
Передо мною иены положила
И в жертву мне Россию предала.
Я „Смертник и Герой". Довольно стыдно мне
Перед каким то Тачибаной унижаться......

Приблизительно эти же мотивы с припевом: „За Русь святую погибаем", а местами и „Боже царя храни", легли в основу всей агитационно-разогревательной работы новых „возродителей родины" и были добавлены к газетной пропаганде в специальных войсковых прокламациях.

И обманутые люди, истосковавшиеся по родине и невидящие других исходов из положения, пошли вновь за обещанной в одной из агитлетучек Молчанова наградой—„деревянным крестом" и многие удостоились таковой.

Но не будем заходить вперед.

Когда командование Народно-Революционной Армии узнало о новом обмане белых генералов, двинувших свои части (после из полков секретным приказом Молчанова переименованные в белоповстанческие отряды с сохранением старых названий для сношения с тылом), оно сделало еще одну попытку перед началом окончательной ликвидации белогвардейцев, уже успевших закрепиться в Хабаровске и только что получивших хорошую встряску под Ином от оправившихся после отступления и вновь подошедших войск Нарревармии, попытку разъяснить закулисную работу белых штабов и японских суфлеров.

Было выпущено обращение к каппелевцам, как к массе, „яко агнец на заклание“ во имя чужих интересов влекомой...

Текст этого обращения мы приводим полностью.

ПОСЛЕДНЕЕ ОБРАЩЕНИЕ.

Каппелевские солдаты и офицеры!

Снова темная рука мировой реакции задумала сыграть вашими жизнями, как последнею картою в борьбе со свободною государственностью России, столкнув вас—ничтожную горсть русских, в силу исторических условий оторванную от своих братьев, со всею массой свободного русского народа.

Безумие этой последней ставки прекрасно знают те, кто своим золотом и лживыми обещаниями купил мертвые души ваших вождей, как недавно покупал на полях далекой Европейской России генеральские сабли Врангеля, Деникина и других, ныне с позором сломанные могучею рукою русского крестьянина и рабочего.

Как бы ни были велики бедствия русского народа, пятый год отбивающего свою свободную государственность от алчных попыток иностранного капитала разорвать нашу родину на клочки, удобные для заглатывания их мировым удавом—Антантой,—у русского народа с избытком хватит сил, чтобы раздавить вас и всех, кто прячется за вами, как были раздавлены лучше оборудованные и более финансово-снабженные контр-революционные затеи недавнего прошлого.

Русский народ в состоянии защитить себя от всякого посягательства, ибо революция—величайшая сила мировой истории, никогда не была побеждена случайною волею своекорыстных людей.

Каппелевцы—солдаты!

На далеких полях нашей общей родины России сейчас голодают миллионы людей, в числе которых есть, несомненно, и ваши близкие.

По чьей милости голодают они, сдавленные кольцом мировой блокады?

По чьей милости умирают они от болезней, лишенные необходимых медикаментов, которые держат в руках иностранные торгаши и продать которые они мечтают лишь ценою нашего рабства, как самого выгодного из торговых условий?

По милости тех, кому служите вы. ибо пока существует хотя маленькая надежда путем натравливания русских на русских еще более обессилить нашу свободную землю и увеличить наши страдания, мировые хищники не откажутся от своих подлых планов, хотя бесцельность их уже становится ясною даже им самим.

Каппелевец из крестьян и рабочих!

Не давай им этих надежд на обезкровливание своей родной страны, не направляй штыка в грудь родного вольного брата, не продавай своей великой родины за ничтожные гроши и ложные обещания чужеземцев, хотя бы они говорили и устами твоих русских командиров, не будь слепым орудием в руках озверелой мировой буржуазии и помни, что все иностранцы и все запродавшиеся русские люди—друзья до черного дня, и тебя беспощадно сбросят со счетов международной игры, когда ты перестанешь быть нужным, и ты останешься без родины, тобой проданной, как Каин с вечной печатью братоубийцы......

Офицеры каппелевской и другой службы!

Неужели и вам придется указывать на ту ложь, которой окружили вас, русских людей, люди ведущие темную, предательскую по отношению ко всему русскому, политику?

Неужели так силен в вас животный страх перед кажущейся ответственностью за ошибки прошлого, что не может его рассеять даже прямая действительность наличия на службе в рядах нашей Народно-Революционной Армии многих ваших бывших соратников, ныне убедившихся в единой великой русской правде и с оружием в руках отстаивающих целость своей родной свободной Республики.

Неужели вам кажется, что новые потоки братской крови, которые прольются у подножия сопок Дальнего Востока во славу Японии и Антанты, будут тем цементом, который объединит нас в великое государственное целое, что Революционную Советскую Москву можно победить, начавши атаку за семь тысяч верст от Кремля, что возрождение России можно строить без участия тех сил, которые выдвинуты Великой Российской Революцией?

Нет, вы не можете так думать, если искренне любите свою родину и хотите ей блага!

Не Каиновой работой, не братоубийственной ненужной борьбой создастся Великая Россия, о которой так много любят говорить в Приморье и в Харбине, и которой так много вредят безнадежными авантюрами, вроде теперешней, но общею дружною работой на тех началах, которые выдвинуты нашею великой исторической эпохой.

Цель нашего обращения к вам, солдаты и офицеры каппелевцы, такова,—в последний раз указать вам, на ненужность вашей попытки идти против исторической силы, которая называется русской революцией. И на не-

обходимость для вас, если вы хотите для себя сохранить имя русского, сложить свое оружие и не быть слепыми пешками в руках иностранных дельцов.

А дальше—ваше дело... Так же, как и наше—уничтожить всякое сопротивление, которое будет стоять на нашей исторической дороге!

Предвоенсовета Главком Блюхер, Ч.В.С. И. Погодин и Сноскарев.

Действующая армия, 25 января 1922 г.

К этому последнему обращению, в котором обманутое младшее офицерство каппелевцев и солдатские массы еще раз призывались к порядку и внимательному отношению к закулисной стороне событий, было присоединено письмо бывших когда то их соратников по „ледяному" и другим походам, которые в настоящее время находятся в пределах Д.В.Р. и многие на службе в рядах Нарсдно-Революционной Армии.

Письмо это очень характерно по своему искреннему тону людей, действительно прозревших и честно поставивших перед собою задачи укрепления своей революционной страны и возрождения ее былой мощи на новых началах государственности.

Один беглый перечень их имен, находящихся под письмом и знакомых большинству белогвардейского офицерства, говорит убедительней всяких гарантий.

БРАТЬЯ КАППЕЛЕВЦЫ СОЛДАТЫ и ОФИЦЕРЫ.

Начавшаяся на Дальнем Востоке новая гражданская война, новые потоки братской крови, новые жертвы человеческих жизней, жертвы наших братьев заставляют нас, бывших ваших соратников, товарищей по локтю в окопах, обратиться к вам с своим искренним братским словом.

Братья каппелевцы! Вспомните 18-й год, когда вы подняли знамя борьбы за идею народовластия, за идею Учредительного Собрания, вспомните те лозунги, которые таились в ваших душах, которые были написаны на ваших знаменах.

Уфимцы! Вы в авангарде наступающих каппелевцев, вспомните Семинарский сад, где вы, как один, сказали: „Клянемся умереть, но никому не позволим посягнуть на волю свободного народа, выразителем которой является только Учредительное Собрание".

Ижевцы! Воткинцы! Вы тоже подняли знамя борьбы за Учредительное Собрание, вы также, как и уфимцы, клялись умереть за него.

И в то время ваши заявления были искренни. И в то время вы сознательно жертвовали своими жизнями за достижение своих идеалов.

Но в то же самое время, глубоко у вас в тылу интервентами создавалась целая плеяда так называемых „возродителей Родины“, которым не по душе были ваши идеи и которые идейную борьбу превратили в угнетение народа, в борьбу за достижение своего личного благосостояния на жертвах ваших братьев. Вы этого не поняли, но русский народ сознал к чему ведут родину эти „возродители“, он грудью встал на защиту своих прав и свободы и заставил вас тернистым путем отойти с берегов Волги на берег Тихого океана.

Вы оказались на территории молодой Дальне-Восточной Республики, государственный строй и основные законы которой установлены Учредительным Собранием, за идею которого вы боролись, в выборах которого вы принимали участие и которое к вам, сказало: „Трудовой народ вам не мстит, трудовой народ предает забвению все содеянное вами против его свободы“. И открывало вам возможность борьбы с неустройствами нашей жизни, но мирным путем. Оно призывало вас отказаться от вооруженной борьбы против народа и перейти к мирному строительству жизни. Но вы не подчинились ему и оказались вовлеченными в новую авантюру, вы отдались новому „возродителю родины“ Меркулову.

Если не все солдаты могли понять всю сущность позорной для русского человека Меркуловщины, то сердце каждого русского офицера должно было содрогнуться, должно было с негодованием отвернуться от темного дела закабаления края корыстными иноземцами. Никакие идеи, никакие знамена не прикроют истинного значения происходящей сейчас на Дальнем Востоке гражданской войны. В силу международных условий бессильная сама захватить и закрепить за собой край, Япония неминуемо использует всякое движение в свою пользу. Ей безразлична русская кровь и ее поддержка вам не пойдет дальше тех размеров, которые необходимы для ее закрепления на берегах Тихого океана. Ей нужны эти берега, как позиция для борьбы с будущей Россией. Не будучи в силах захватить их в Русско Японскую войну, она хочет это сделать теперь, используя наши распри, не гнушаясь продажной помощью меркуловских авантюристов. Ей нужно ослабление русской мощи на Востоке, нужно и ваше ослабление и вы неминуемо будете преданы ею, как ее будущие враги, как солдаты и офицеры возрождающейся России. Ей враждебна всякая Россия, которая не захочет отдать ей Русского Дальнего Востока, и зная вас, как солдат и офицеров русской армии, она, создавая Меркулова, постарается в ваших рядах возродить и Семенова. Японии тем более нужно торопиться, что правительства великих держав накануне признания России.

Солдаты и офицеры! Волей или неволей вы делаете антирусское, антинациональное дело, вы участвуете в продаже российского достояния русско -

го Дальнего Востока. Вы способствуете закреплению настоящего и будущего врага России. Вы тормозите признание Русского Государства. Вы, наконец, усиливаете тот ужас голода и смерти, которые царят во всем родном Поволжье

В тот момент, когда ваша родина, когда миллионы ваших братьев гибнут в страданиях постигшей их стихии—голода, когда молодая Дальне-Восточная Республика вынуждена сама недоедать и последний кусок хлеба посылать голодающему Поволжью, посылать для того, чтобы не дать умереть от голода вашим отцам и матерям, вашим братьям и сестрам, в этот момент вы начинаете гражданскую войну и отнимаете последний кусок хлеба от вашего брата, умирающего голодной смертью.

Опомнитесь, братья. Подумайте над тем, в какой момент и чье дело вами начато. Довольно междуусобной и братоубийственной войны. Мы русские, мы сыны одной и той же России и после стольких перенесенных ею испытаний мы должны понять, что борьба с неустройствами жизни, борьба за лучшее будущее русского народа—есть дело самого народа, что мы не имеем права хотя бы в малейшей степени ослаблять его будущую мощь, расхищать его достояние, отдавать его достояние, отдавать его территории могущественному и хитрому врагу.

Здесь, на Востоке, в условиях жизни Дальне-Восточной Республики мы можем договориться. Мы должны договориться, не проливая крови. Мы должны прийти на помощь исстрадавшей родине. Мы должны помочь залечить нанесенные ей раны, а не наносить новых. К этому мы вас призываем. Мы призываем вас прекратить начатую вами гражданскую войну, прекратить самоистребление.

Требуйте от вашего командного состава немедленно начала переговоров. И сами начинайте эти переговоры с командованием Народно-Революционной Армии, где есть представители и от нас.

Давайте общими усилиями создавать великую, могучую, свободную Россию.

Это обращение было покрыто многочисленными подписями бывших офицеров колчаковской армии, из которых многие занимают в НРА крупные строевые и административные посты. Среди подписей мы видим:

1) Член Учредительного и Народного Собраний Дальне-Восточной Республики, бывший командир офицерского баталиона, 13-го Уфимского Народной Армии полка Иван Булгаков (Бельский). 2) Член Учредительного и Народного Собраний Дальне-Восточной Республики, бывший командир Ижевского баталиона имени Учредительного Собрания Леонид Коровин. 3) Начальник Штаба Приамурского военного округа, бывший каппелевец полков-

ник Луцков. 4) Начальчик Организационно-Мобилизационного Управления НРА—бывший каппелевец подполковник Касаткин. 5) Начальник Организационно-Мобилизационного Управления Штаба НРА—бывший каппелевец капитан Лукин 6) Начальник инженеров НРА—бывший Начальник Томской Инженерной Дистанции инженер полковник Моисеев. 7) Начальник Строевого Отдела Организационно-Мобилизационного Управления НРА—вольноопределяющийся Иркутского Гусарского полка и бывший Секретарь Начальника Штаба Особой Комиссии Верховного Правителя—В. Резанов. 7) Пом. Начальника Административного Управления Штаба НРА—бывший Начальник Штаба Образцовой Егерской дивизии капитан Андреев. 8) Председатель Контрольно-Штатной Комиссии НРА—бывший штатный преподаватель Военной Академии полковник Н. Главацкий 9) Начальник Школы Разведчиков НРА—бывший Начальник Школы Разведывательного Отдела Штаба Тобольского Корпуса шт.-капитан Митрофанов. 10) Начальник Организационного Отделения Штаба НРА—бывший каппелевец поручик Фогелер. 11) Комендант Штаба НРА—бывший колчаковский поручик Штаба 14 дивизии И. Логинов. 12) Для Особых поручений при Главкоме—бывший полковник Климчук и многие другие.

Это обращение и письмо в тысячах экземпляров было направлено за неприятельскую проволоку и ни один, имеющий совесть, белогвардеец не осмелиться сказать, что он его не получил.

Окопы самый лучший адрес для таких писем и проволока—надежный почтовый ящик.

Судя по данным опроса пленных, обращение и письмо были получены и произвели свое впечатление, но такова уже природа всех наблудивших людей—были приняты с недоверием, как агитационная литература, словно для посева коммунистических идей нельзя придумать более лучшего поля, чем головы—правда, с хорошим запасом навоза—всевозможного бывшего офицэрства старой царской армии.

Но факт остается фактом. И эти попытки образумить обманутые низы прошли без ответа, хотя и повели за собою добровольную сдачу довольно значительного числа каппелевцев—офицеров и солдат—отставших с этою целью от своих частей при отступлении.

Чтобы лишний раз доказать свое миролюбие и не желание решать спор о государственном строе в Дальне-Восточной Республике путем вооруженного разрубания белогвардейского гордиева—вернее Спиридонова—узла, высшим командованием Народно-Революционной Армии в лице главкома тов. Блюхера было послано перед знаменитым Волочаевским боем, который славной страницею войдет в грядущую историю борьбы нашей Армии

с черной реакцией Приморья, письмо к руководителю белых генералу Молчанову.

Это письмо по своей прямоте способно дойти даже до генеральского мозга, забронированного предубеждением от всяких опасностей красной заразы.

Непосредственное обращение к верхам было сделано по настоятельной просьбе бывших каппелевцев, находящихся в рядах НРА и рекомендовавших ген. Молчанова, как человека не утратившего—чего нельзя сказать, конечно, обо всех белых генералах,—чувства чести и благоразумия.

ГЕНЕРАЛУ МОЛЧАНОВУ.

Единственное желание предотвратить излишнее пролитие драгоценной народной крови при вашем бесполезном сопротивлении заставляет меня обратиться к вам с настоящим письмом.

Игра, затеянная на Владивостокской бирже при участии японских и других дирижеров, подходит к своему естественному концу, поэтому я, хотя и знаю жестокость класса, к которому вы принадлежите, и алчность интересов, которые вы защищаете при посредстве обманутых остатков бывшей старой армии, все же хочу в последний раз обратиться к голосу вашего благоразумия, к вашей честности, как солдата, к вашей совести, как русского человека.

Что предполагаете делать вы с этою кучкою русского офицерства и солдат, которых животная боязнь ответственности и тоски по родине заставили вверить вам свою судьбу для последней безнадежной попытки на японские деньги атаковать родную Москву, начав атаку на нее за много тысяч верст от Кремля?

Знаете ли вы, что вы делаете Каиново дело, помогая японской дипломатии нажимом педалей в Приморье оказать поддержку их унизительным для русского величия и достоинства требованиям, которые они диктуют нам в Дайрене.

Я сам был в Дайрене в числе военной делегации и знаю закулисную сторону этого предприятия, так же как и то, что, по последним сведениям, Меркулов соглашается на все унижения для защиты своей личной купеческой лавочки.

Какое же солнце предпочитаете вы видеть на Дальнем Востоке? То ли, которое красуется на японском флаге, или восходящее солнце новой русской государственности, начинающее согревать нашу родную землю после дней очищающей революционной грозы?

Какая участь Вам более нравится,—участь Колчака, Врангеля или Унгерна? или жребий честного гражданина своей революционной родины?

Вы всюду твердите,—и во Владивостоке, и в Харбине, и за границей, и в кабаках, и в храмах, и в газетах, что боретесь за Великую Россию, за национальное возрождение ее, за раскрепощение ее от большевиков, ведущих антинациональную политику.

Так ли это?

Вы—разумный государственный деятель, несомненно, в курсе международных отношений последнего времени, не простой солдат, которого можно обмануть статьею продажного газетного писаки или слезливой проповедью захудалого полкового попа, и, конечно, знаете, что единственным, кто стоял за единство России, кто отстаивал ее от вожделений иностранных империалистических акул была существующая в революционной России Советская Власть, которая не смотря на тяжесть условий революционной эпохи до сих пор ни одного клочка русской территории не отдала в цепкие лапы иностранных претендентов, не в пример русским временным правительствам, которые, как продажные сваты, обивали пороги иноземных посольств и банков.

Кто до сих пор делал истинно национальное русское дело, хотя и имел интернациональные задачи?

Советская власть и только она одна. И эта русская власть, доказавшая всю жизненность своей организации, уже скоро будет признана всеми остальными державами Европы, ведущими с ней переговоры.

А кто до сих пор срамил и отдавал на поругание даже само имя русского человека, не говоря уже о том, что обрекал Россию на величайшие муки гражданской войны, лишений, болезней, голода?

Те, которые на всех перекрестках чужеземных столичных городов, распинаясь в любви к родине, призывали к борьбе с революционной Россией, к борьбе с большевиками, опирающимися на русских рабочих и сознательное русское крестьянство.

Те, кто называли себя русскими людьми на словах и были иностранными агентами на деле.

Те, кто в настоящую тяжелую минуту на своих реакционных плечах торжественно ввозят на нашу Дальневосточную азиатскую окраину азиатских хозяев, любящих Россию и все русское, как волк овцу.

Ведь разрешать задачи возрождения России из Владивостока по меньшей мере смешно. Значит есть в этом деле другая сторона.

Подумайте над этим вопросом вы, русский генерал. Уже многие рус-

ские большие головы—не упоминая даже о тех, которые трудятся над воссозданием экономической мощи России, находясь внутри ее,—как эмигранты Устрялов, Ключников и другие после точного профессорского подсчета всех шансов и возможностей политической реставрации пришли к заключению, что всякая попытка таковой, даже путем Учредительного Собрания принесет только неисчислимые бедствия и страдания русскому народу.

Не говоря уже о военных авантюрах Деникина, Врангеля и других, которых разбила наша Красная Армия, все перенес и переносит могучий русский народ. ибо таков его исторический путь.

И если из этого пути делают некоторые называющие себя русскими людьми путь к Голгофе, то это не вина народа, а его беда, как народа мало культурного с величайшим трудом и медленностью восстанавливающего свое разрушенное империалистической войной и революцией хозяйство.

Я не буду говорить о вашей последней попытке причинить великому русскому народу Дальне-Восточной Республики последние ненужные страдания,—она также будет ликвидирована историческим ходом возрождения России, как были ликвидированы все предыдущие более, чем Ваша, оборудованные в техническом и финансовом отношениях западными союзниками.

Прольется только лишняя кровь и без того измученного русского народа, но он своих революционных завоеваний и своей новой свободной государственности не сдаст никому.

Я солдат революции и хочу говорить с вами, прежде чем начать последний разговор на языке пушек.

Вас и ваших офицеров пугают расправою за прежние ошибки? Это—ложь. Спросите тех офицеров, которых мы взяли в последних боях в плен. Мы не можем дать им тех показных трех фунтов хлеба, которые вы сулите нашим пленным, но мы делимся с ними тем боевым пайком, который имеем сами и теми медицинскими средствами, которые есть в нашем распоряжении.

Спросите всех бывших колчаковцев-офицеров, которые бьются против вас в наших рядах.

За что они бьются? Я не думаю, чтобы за большевиков и комиссаров. Они бьются за то, против чего идете вы—за великую свободную от иностранного хищничества родину.

У вас есть несколько дней, чтобы подумать и решить вопрос: будем ли мы продолжать проливать кровь, как враги, или начнем говорить, как братья, дети одного свободного великого народа.

На этих сопках и без того много могил —в случае продолжения борьбы одна из них будет Вашей.

Подумайте над этим, русский генерал, последний поднявший руку на свободную революционную Россию и ее дочь Дальне-Восточную Республику.

Я именем русского революционного народа в последний раз гарантирую вашим солдатам, офицерам и вам сохранение жизни в случае, если вы добровольно прекратите эту ненужную попытку сопротивления народной воле и сложите ваше оружие.

Драгоценная кровь русского народа заставляет меня обратиться к вам с последним словом.

Своих слов я на ветер не кидаю, так же как и не на ветер будут выпущены пули нашей народно-революционной армии, если борьба будет продолжаться.

Ваш ответ ожидается мною срочно, так как времени для разговоров тратить много не приходится.

Председатель Военного Совета и Главнокомандующий НРА Военный Министр ДВР Блюхер.

Письмо было направлено с отпущенным назад военнопленным для передачи старшему начальнику укрепленной Волочаевки с предложением немедленно передать по месту нахождения Молчанова, что и было сделано.

Ответом на него, как известно, послужили бешенные выстрелы засевших за проволоку „героев-смертников"...

Ответ воистину братский...

Поэтому трудно сказать, дошло ли благородное письмо т. Блюхера до каппелевской массы. Вернее всего,—нет, ибо черная игра белых генералов не допускает возможности столь тесного общения с „серой скотиной" окопов.

Честность—даже прославленная в белогвардейской прессе, честность джентльмена Молчанова—не оказалась достаточной, чтобы в последнюю минуту, когда были поставлены на карту головы многих людей, до конца доверивших себя руководителям, и когда делалось официальное предложение для безкровной ликвидации Приморского позорища, опубликовать это предложение для сведения всех „смертников".

Пусть „смертники", оставшиеся в живых, которым попадут эти строки, поймут хотя теперь, что к названию „смертник" для большей правильности в эту минуту было добавлено,—„смертник... по моему желанию и по приказу японских хозяев".

Бой под Волочаевкой, укрепленной по последнему слову техники по-

левой войны, в значительной степени решил участь Хабаровска и всей кампании.

Белые начали отступать в том порядке, который на языке простых смертных, а не знаменитых „смертников", называется паническим бегством.

Генералы и другое начальство, вроде пресловутого хабаровского Ступина, как и подобает в правильно организованной армии, выступали впереди своих частей, раньше других спасая свои драгоценные жизни для дальнейших услуг японскому командованию и сохраняя громкий титул „смертника" для занесения в формулярный список на гордость всему потомству и радость обывателей Светланки.

Хабаровск был взят Народно-Революционной Армией без боя, при чем при обходном движении через Казакевичево были разгромлены ариергардные упорно оборонявшиеся силы противника.

Наши части своим стремительным продвижением к югу, каждый день новою победою доказывали белогвардейскому командованию бесплодность дальнейшего сопротивления.

Все это дало нашему высшему командованию некоторое основание полагать, что, если обращение к главарям „белоповстанческого" движения, сделанное под Волочаевкой не достигло своей цели по причине наличия у белокомандования некоторой надежды на успех, то теперь, при ясно определившемся их поражении, они будут более благоразумны и поймут, что остается только один выход—если не почетный, то и не позорный,—немедленная капитуляция до подхода к нейтральной зоне, где произойдет—как потом и было в действительности—открытая скандальная расшифровка их движения, как игры японского командования, ничего общего с „возрождением России", разумеется, не имеющей.

Было направлено из под Розенгардтовки со специальным парламентером тов. Подерврянским второе письмо тов Блюхера и письмо начальника полевого штаба тов. Луцкова, адресованные к ген. Молчанову и содержащие в себе более определенные условия сдачи.

Содержание этих писем мы приводим ниже.

ГЕНЕРАЛУ МОЛЧАНОВУ.

И еще раз, теперь уже в последний, призываю вас, генерал, к честному благоразумию и искреннему отказу от той жестокой роли, которую чужая воля навязала вам в последней кровавой затее интервентов и чужеземных капиталистов.

Вы не ответили на мое первое письмо, потому ли, что ваши руки разучились писать искренние русские слова без диктовки закулисных суфлеров,

или потому, что вы еще верите в торжество реакционной Приморской кривды над русской революционной правдой, меня это интересует мало.

В своем письме, отправленном Вам перед боем под Волочаевкой, я указал Вам на закулисную дипломатическую работу интервентов, которая идет теперь за Вашей спиной, на ненужность Вашего сопротивления.

Теперь боями под Волочаевкой и Казакевичево Народно-Рево юционная Армия доказала вам безумие дальнейшей борьбы против народной воли.

Сделайте из этого честный вывод и покоритесь воле трудового русского народа без дальнейшей упорной игры человеческими головами, которые доверили Вам свою судьбу.

Вся ваша авантюра—марионеточная затея тех чужих, продающих Россию рук, о которых вы осведомлены не хуже меня и которые продадут вас в ту минуту, когда им понадобиться уходить под крыло японских и других империалистов.

Как всякая марионеточная авантюра, она обречена на скорый крах и Вы уже почувствовали по тем могучим ударам, которые нанесла вам, кадровому офицерству, Рабоче-Крестьянская сермяжная Народно-Революционная сила. Не пора ли подумать о дальнейшем?

Мне хотелось бы знать, какое же количество жертв, какое число русских трупов необходимо еще, чтобы убедить вас в бесполезности и бесплодности вашей последней попытки бороться с силою Революционного русского народа, на пепле хозяйственной разрухи воздвигающего свою новую государственность?

Какое число русских мучеников приказано вам бросить к подножью японского и другого чужеземного капитала?

Сколько русских страдальческих костей необходимо, чтобы устроить мостовую для более удобного проезда интервентских автомобилей по русскому Дальнему Востоку?

Нет, генерал, мы этого не позволим. Мы, мужики, защищающие свое родное достояние, свою родную революционную русскую землю, впервые в течении столетий увидевшую свою истинно народную власть.

Понятно ли Вам теперь то упорство, с которым бьются под красным знаменем наши стойкие революционные полки за свою великую новую КраснуюРусь?Мы победим, ибо мы боремся за прогрессивные начала в истории,за новую в мире государственность, за право русского народа строить свою жизнь так,как подсказывает ему его пробужденные от векового оцепенениясилы.

Вы погибнете, ибо Вы продали шпагу для защиты чужеземных интересов кучке групых и жадных коммерсантов, не имеющих ничего общего с историческими задачами национального возрождения. Оглянитель назад и Вы увидите наглые физиономии этих торгашей народною кровью, срамящих низкопоклонством перед чужеземцами самое имя русского человека ради ни-

чтожных подачек и животного страха. Неужели Вы будете продолжать помогать им в их вредной, и продажной работе? Среди Ваших рядов во время боев под Волочаевкой и Казакевичево я заметил много дельных людей. Не губите их в угоду чужеземному золоту и грядущая история нашей страны скажет Вам за это спасибо.

Их техн. знания необходимы для дела возрождения хозяйственной жизни нашей родины.—не делайте из них наемных кондотьеров иностранного капитала, а возвратите их родине, как заблудших сыновей.

Единственный выход для Вас—и выход почетный, при теперешнем Вашем положении—это сложить братоубийственное оружие и закончить последнюю вспышку гражданской войны честным солдатским празнанием в своем заблуждении и отказом ст дальнейшей службы чужеземным штабам.

Наши силы и наши исторические цели слишком велики для того, чтобы в данный момент заниматься мелкою местью по отношению к Вам и к тем кто идет за Вами.

Слова:—„свободный народ не мстит,"—есть голая историческая правда и Ваши офицеры, которые находятся у нас в плену, могут Вам засвидетельствовать ее, равно как и те многочисленные колчаковцы, которые доблестно бьются в наших рядах за свое родное русское дело, свою молодую Дальне-Восточную Республику.

А что они честно и доблестно бьются, в этом Вы, генерал, уже имели не один случай убедиться!

Еще раз подтверждаю Вам мое твердое решение не дать Вас в обиду в случае добровольной сдачи оружия, но прошу не обижаться, если при продолжении борьбы, это оружие будет вырвано из Ваших рук тем жестоким способом, который диктуется всей исторической обстановкой.

Для того, чтобы облегчить Ваше положение, я предлагаю Вам следующее: 1) Не допуская каких либо обид и оскорблений, я гарантирую полную неприкосновенность личности и свободное возвращение на родину всем подчиненным Вам войскам. 2) Командному составу я предлагаю, в случае не желания возвратиться в Советскую Россию, занять соответствующие места в рядах Народно-Революционной Армии. 3) Вам лично с группой лучших ваших офицеров, предлагаю соответствующую должность в рядах Народно Революционной Армии. 4) Ваш ответ будет ожидаться мною в срочном порядке через подателя этого письма.

П. п. Председатель Военного Совета, Главнокомандующий и Военный Министр Блюхер.

ГОСПОДИН ГЕНЕРАЛ.

Не первый раз обращаюсь я к Вам, как к руководителю группы бывших каппелевцев или, как генерал Вержбицкий назвал Вас,—„беженцев".

Еще год тому назад, встречаясь на Пограничной от имени Приморского Правительства, я был у вас и предупреждал о том, что в Приморье,

пользуясь Ваш.й материальной необходимостью, интервенты пустят Вас в авантюру.

Вы лично уверяли в невозможности такого положения, так как на себе испытали помощь иностранцев, после которой оказались у Тихого Океана, испытав в довершение издевательства китайцев при проезде по Китайско-Восточной жел. дороге.

С Комвойсками Лепехиным, я в марте месяце прошлого года был у Вас. Мы искали выхода из создавшегося положения и Вы опять уверяли, что Ваша мысль только „устроить" своих людей—бывших Ваших подчиненных.

С Вашим Начальником Штаба Ловцевичем мы не раз вели переговоры и он у меня находил поддержку в устройстве Ваших подчиненных: он с нашего ведома и разрешения формировал рабочие дружины, а потом повел их вооруженными на нас.

Я писал Вам в октябре месяце прошлого года, взывая к Вашему национальному чувству и русской гордости, указав на беспочвенность и ложность избранного пути и обещал от имени Главкома Блюхера полную неприкосновенность личности и имущества.

Все было напрасно!

Не идея, а деньги победили в Вас чувство сознания.

И вот настал час, когда Вы воочию убедились, что деньгами нельзя купить счастья ни себе ни родине.

Вы, пользуясь нашим фактическим желанием перейти к мирному строительству (демобилизация), подбиваемые продажными купцами, гонимые интервентами, насыщенные заведомо ложными сведениями о восстаниях в глубине Дальне-Восточной Республики и Советской России,—надеясь, а, может быть, и веря в победу над разоружившейся Дальне-Восточной Республикой, двинулись вперед.

Но что же вышло?

Да, мы не хотели и не ждали войны.

Мы оставили войска только для внутреннего порядка и сразу не могли сдержать Ваше наступление. До Бикина мы задерживались почти тремя ротами, а от Бикина бросили гарнизон Хабаровска,—немногим больше.

Вас же было много больше и почти половина офицеров рядовыми.

Но народ Дальне-Восточной Республики, увидев вашу авантюру, встал, как один.

Мы увидели, что невозможное стало реальным и в короткий срок у нас снова стала армия.

Наша, казавшаяся недействующей, Амурская дорога перебрасывала на много верст людей и материалы, у нас люди могли шесть дней лежать в снегу на морозе под вашим огнем, мешавшим доставке продуктов и потом итти на ваши укрепленные позиции.

Вы увидели, что в народе нет вам поддержки, не глядя на ваше задабривание массою денег.

К вам никто не пошел.

Почему?

Да потому, что у вас не было идеи борьбы, в ваших рядах видели знакомых калмыковских палачей, в вас видели авангард японцев.

Кроме денег вы ничего не могли дать.

Чем объясняли вы свое движение?

За что вы шли?

Что вы несли?

Те идеи, за что вы шли когда то, теперь проведены в жизнь. Вы кричали об Учредительном Собрании, —оно здесь, а у вас злая пародия Народного Собрания, где только и разговоров было, что о воровстве членов вашего правительства.

Вы говорите о национализме, а защищает родину от интервентов Народно-Революционная Армия, а вы—интересы японцев и каких то купцов, которые оптом и в розницу распродают достояние России.

Вы несли за собою засилие интервентов, в названии „демократизм" шла власть Меркулова и Лихойдова.

Так неужели правы те офицеры и солдаты, попавшие к нам в плен, которые говорили, что они дрались за „корку хлеба"?

Они за корку хлеба, а повыше стоящие,—за сладкий пирог?

Так ведь это продажа родины за чечевичную похлебку.

Вы, люди стоящие во главе, не могли не видеть куда вы идете и за что ведете на смерть своих людей.

Неужели боязнь за свою жизнь? Так ведь Вы же не побоялись бросить в объятия смерти своих людей!

Вы же не могли не знать, что здесь давно прошло то время, когда кого либо преследовали за прошлое. Вы должны были знать, как в Советской России, так и здесь, в Дальне-Восточной Республике, самым спокойным образом служат большинство Ваших бывших и начальников, и товарищей, и подчиненных. Вы знали по фамилиям кто, где служит. Вы знали, что Начальником Штаба Н. Р. А.—Генеральнаго Штаба Токарев

ский; что в Штабе Главкома много ваших каппелевцев занимают высокие должности. (Вы от них получили воззвание). Вы должны были знать, что никого здесь не расстреливают, что ваши раненые получают медицинскую помощь вместе с нашими. А не знали так спросите первого посланного с письмом, который видел в лазарете раненых ваших, взятых за много времени пред ним.

Вы знаете, что была возможность многим перебежать на вашу сторону,—и кто же пошел? Несколько мальчишек, которым захотелось поносить погоны или люди, которым нужны иены, за которые они продаются не только интервентам, а и черту, или люди, обиженные, что им не по чинам давали должности, или люди, которым не нравилось что их грязные поступки карались тюрьмой. Вот этот хлам, что перешел к вам, и то наверное не больше десятка.

А кто из наших, взятых в плен вами, остался у вас—посчитайте. Наверно тоже немного. Кто пошел из города за вами? Город, временно нами оставленный, не уменьшился, а увеличился. Откуда? Видимо с Востока.....

Да, генерал, Вы теперь поняли, испытав на своей спине, или вернее на спинах подчиненных, что Вы ошиблись в своих расчетах. И если Вы не думаете „устраивать“ своих подчиненных, „на тот свет“ и если Вы действительно человек русский и честный солдат—бросьте авантюру, поймите, что ведь это продажа родины.

Откройте глаза, посмотрите кругом, покопайтесь у себя в сердце и увидите, где правда.

Вы один из генералов, с которым можно еще говорить, как с русским человеком.

Главком обращался к Вам с письмом перед Волочаевкой, где мы равными силами стояли друг против друга,—Вы—сильнее проволочными заграждениями и офицерскими ротами, мы-сильнее духом.

Теперь он снова обращается к Вам, как победитель к побежденному врагу, бегущему может быть, опять под крылышко японцев.

Но он снова, не желая пролития лишней капли русской крови, говорит Вам: довольно бесцельной борьбы, довольно производить эксперименты во имя чужой политики над тысячами жизней русских людей.

И я, как и все Вас знающие за истинно-русского человека, хочу крикнуть Вам и Вашим подчиненным:

Да, довольно же крови!

Поверьте же, наконец, что интервенты и купцы вам лгут, что никого здесь не уничтожают.

Ведь мы русские! Ведь нужны будут нам русские силы, еще много работы впереди для создания крепкой России, что и Вы здесь нужны, как всякий честный гражданин, может-быть, в данное время и запуганный специальной информацией и по ошибке стоящий на той стороне.

Главком БЛЮХЕР дает слово, что никто из вас не будет уничтожен, что жизнь и имущество ваше будут в полной сохранности.

Давайте протянем руку и поймем друг друга. Давайте без содействия интервентов найдем выход из положения. Сложите оружие!

Условия, которые предлагает Главком те же, которые предлагались нами еще в прошлом году, а именно: 1) полная неприкосновенность всех, 2) возможность вернуться на родину, 3) разрешение вступить в ряды Народно Революционной Армии или Красной Армии.

Можете выбрать кого-нибудь и прислать сюда, или же всякий из нас согласен приехать к вам, чтобы найти выход. Я сам не боялся ехать в стан Гродековцев, уговаривать их бросить авантюру и не боюсь поехать к вам и ехать куда угодно, только бы достичь прекращения бесцельной гибели русских людей.

Ваши условия просим переслать с передавшим наши письма.

Подписал Начальник Полевого Штаба Главкома П. Луцков.

19-го февраля 1922 года г. Хабаровск.

Грубый и трусливый отказ даже побоявшегося выйти к нашему парламентеру Ген. Молчанова был ответом на этот последний честный призыв победителя—революционного народа в лице тов. Блюхера.

Молчанов скрылся с горизонта за спину своих спасителей—японцев, которые преградили дорогу победоносному продвижению революционных войск и миролюбию красных вождей.

Такова приблизительно тяжелая история попыток военного командования найти общий язык с руководителями контр-революционных русских войск, продолжающих и теперь упорствовать в своем заблуждении и твердо, повидимому, убежденных, что они, служа Японии, делают что-то полезное для России в ее великих исторических задачах.

Постоянное миролюбие НРА объясняется еще и тем, что жалкая приморская труппа „комиков и благородных отцов" отечества, разыгрывающая за счет ослепленных офицеров и солдат кровавые комедии на родной земле сама по себе нисколько не страшна, так как не находит поддержки даже в реакционных кругах приморского крестьянства и казачества.

Но эта теплая компания патриотических очковтирателей и политических вспышкопускателей до безобразия позорит и себя и всех русских,

холопски целуя могучую чужеземную руку, которая каждый раз помогает им, как „Ваньке-встаньке" встать на ноги для новой кровавой клоунады и новой трепки.

Все, в ком сохранился ум и гордость русского человека, не говоря уже о революционных чувствах, должны понять бесстыдство этого „приморско-полосатого отчуждения" и искать выход на широкий простор родины, которая, в лице Народно-Революционной Армии в последнем приказе Военного Совета, завершающем всю политику примирения с врагами, говорит в дополнение к первомайской (1922 г.) амнистии правительства ДВР.

ПРИКАЗ № 319

Военного Совета Народно-Революционной Армии и Флота Дальне-Восточной Республики.

Г. Чита. 19 мая 1922 года.

§ 1.

Гражданская война всегда вызывала великое ожесточение борющихся сторон, при чем особым ожесточением и яростью в этой войне отличался класс, приговоренный историей к исчезновению с арены мировой жизни,— в настоящее время класс капиталистов и наемников их.

Буржуазия, потерявшая под натиском революционной бури свое достояние, награбленное долгими веками насилия и эксплоатации трудовых масс, и прихлебатели ее, лишившиеся власти и кастовых привиллегий, всеми способами стараются задержать победоносное движение сил истории, пуская в ход и сохранившуюся мощь капиталистического аппарата, и удар вооруженной руки из-за угла, и злую клевету подкупной газетной строки, и темные, нелепые слухи глухих обывательских закоулков.

Пятый год в условиях невероятной экономической разрухи и великих страданий братская Советская Россия и наша трудовая республика созидают свою новую жизнь и восстанавливают хозяйственную мощь революционной родины, с оружием в руках отбивая натиск темных сил направляемых империалистами.

Недавний преступный налет Приморских авантюристов продавших за чужеземное золото свою совесть и дело русской революции, показал истинную природу контр революционных стремлений меркуловского лагеря и закончился вооруженным вмешательством соседнего империалистического Государства, неуклонно стремящегося к порабощению русского Дальнего Востока и пользующегося в своих интервентских целях низменной игрой на классовой ненависти командных верхов и вековом ослеплении низов старой царской армии.

Но русский революционный народ умеет различать главных руководителей кровавого предательства, прикрывающихся идеей возрождения России, от мелких слепых исполнителей чужой воли и неоднократно, даже в периоды самой острой опасности и борьбы, открыто и искренно заявлял о своем братском прощении для тех, кто создает преступность вооруженного восстания против интересов родного трудового народа и завоеваний революции, добровольно прекратив бесцельное сопротивление народной воле.

Последняя победоносная борьба Народно-Революционной Армии с белоповстанцами Приморья еще раз доказала силу и преимущество новой революционной Государственности над пошлыми предателями русского Дальнего Востока, разбив их наемные ряды и обнаружив перед всем трудовым миром закулисные пружины желтого империализма.

Военный Совет своими приказами не раз подтверждал от имени трудового народа Республики свое твердое решение дать возможность раскаявшимся, обманутым русским людям из вражеского стана честною службою загладить позорные ошибки прошлого, сделанные против революционной родины.

Многие каппелевские и семеновские офицеры и солдаты, у которых совесть еще окончательно не заглохла, начинают сознавать огромное преступление, совершаемое ими перед трудящимися массами Дальне-Восточной Республики, делают попытки стать на организованный путь перехода на нашу сторону.

Но подкупная зарубежная печать и жалкая кучка реакционеров, ею руководящих, распространяя разные ложные слухи о насилиях, якобы чинимых нами над военнопленными, пытаются лживыми наветами и грязными сплетнями вызвать недоверие к трудовой власти ДВР и ее высшему военному командованию.

Цель этих слухов ясна, держать посредством животного страха ослепленные массы каппелевцев и семеновцев, в своем подчинении для новых авантюристических нападений на ДВР и не дать им возможность честно закончить свою бесчестную борьбу с родным революционным народом.

Желая раз навсегда пресечь в корне возможность всяких инсинуаций и сомнений в искренности трудовой власти и для прекращения ни на чем неоснованных слухов о насильственной высылке уроженцев ДВР в Советскую Россию, о репрессиях, производимых над военнопленными, и других подобных выдумок злобных змеиных языков.—

Военный Совет постановил:

Образовать при Штабе НРА комиссию по эвакуации военнопленных и добровольно перешедших белоармейцев к местам постоянного жительства,

а также для наблюдения за правильностью исполнения приказов Правительства и Военного Совета, касающихся военнопленных, и для содействия направлению последних на родину в Совроссию и области ДВР.

§ 2.

В состав комиссии назначить:

Председателем—инструктора Военно-Политического Управления ДВР —гр. *Шубик*.

Членами:—Представителя от Военного Совета НРА и Флота гр. *Сосницкого* и трех представителей от военнопленных, из числа бывших каппелевских офицеров, взятых в недавних боях: бывшего капитана гр. *Ефимова* и бывших подпоручиков гр. гр. *Кайгородова и Игнатьенко*.

§ 3.

Комиссии руководствоваться прилагаемой к приказу инструкцией, которая вместе с приказом подлежит широкому опубликованию.

Предвоенсовета, Главком и Военмин *Блюхер*.

Член Военного Совета *И. Погодин*.

„Утверждаю"
Предвоенсовета, Главком и
Военмин *Блюхер*.
Член Военсовета *Погодин*.
19 мая 1922 года.

Приложение к приказу Военного Совета Н. Р. А. от 19 мая 1922 г. № 319.

ИНСТРУКЦИЯ

Комиссии по эвакуации военнопленных и добровольно перешедших белоармейцев.

На комиссию возлагается.

§ 1.

Развить самую широкую агитацию среди солдат и офицеров белогвардейских, отрядов о добровольном сложении оружия, гарантируя от имени Военного Совета НРА всем, добровольно явившимся, полную неприкосновенность личности.

§ 2.

Технически разработать план эвакуации из пределов Приморской области и полосы отчуждения во внутренние области ДВР и Совроссию перешедших на нашу сторону каппелевцев и других.

§ 3.

Всех прибывающих военно-служащих каппелевских и других отрядов распределить на следующие категории:

а) рядовых солдат, уроженцев ДВР сроки службы коих призваны, передать в распоряжение Начальников уездных воинских управлений для зачисления в ряды НРА сроки коих не призваны или же уволены согласно приказа Военсовета ДВР на полевые работы также отправить к Начальнику У. В. У. для взятия их на учет и увольнения по месту жительства, причем выразивших желание выехать в Совроссию, беспрепятственно пропустить, снабдив соответственными документами.

в) Всех уроженцев Совроссии независимо от сроков службы направить по месту жительства. С изъявшими желание остаться на территории ДВР поступать согласно пунктов а, б, этого раздела.

г) Всех бывших офицеров и военных чиновников передать в распоряжение Начальника Штаба НРА для использования по специальности.

§ 4.

Прибывающую партию военно-пленных размещать казарменно, для чего Комиссии заблаговременно озаботиться подысканием подходящих помещений.

§ 5.

По отношению ко всем прибывающим военно-служащим каппелевцев и другим отнюдь не допускать никаких репрессивных мер.

§ 6.

Ответственность за точное исполнение и проведение в жизнь настоящего приказа возлагается на Председателя Комиссии, которому вменяется в обязанность еженедельно докладывать Военному Совету о ходе работ.

Все приведенные выше документы характеризуют ту частную примирительную позицию, которую занимали все время военные власти ДВР. по отношению к белому офицерству и солдатам и продолжает занимать до сих пор, несмотря на последний предательский налет реакционных сил на наш Хабаровской район.

Для всех, желающих возвращения на родину, чтобы работать на пользу русскому народу, а не для кошелька иностранных капиталистов и ради интересов чужеземной державы, путь открыт.

Пусть воспользуются им те, кто действительно хочет исправить свои былые ошибки.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

